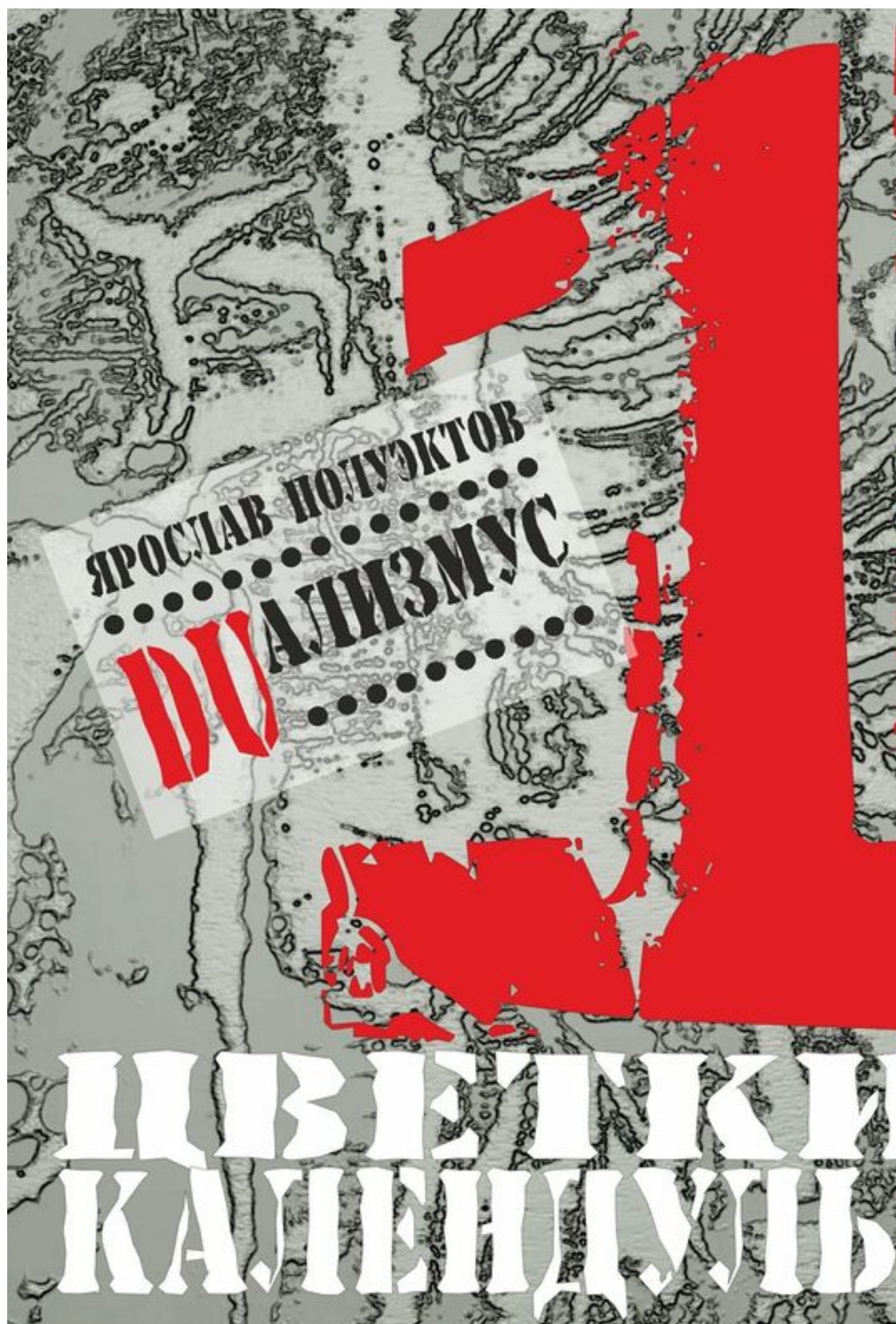

ЯРОСЛАВ ПОЛУЭКТОВ

ДУАЛИЗМЪС

ЦВЕТУЩИЙ
КАЛЕНДУЛЬ

Ярослав Полуэктов
DUализмус. Цветки календулы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17103921

ISBN 978-5-4474-4255-2

Аннотация

Сборник №1, названный «Цветками календулы», не имеет никакого отношения к ботанике. Все четыре книги этой серии являются сборниками самостоятельных произведений с вкраплениями «больших цитат-пазлов» из его романов, которые уже года четыре подряд как подвергаются безостановочной перфекции. Нетрудно догадаться по названиям этих книг, что автор относится к своим литературным опусам как к лекарственным снадобьям для человечества и себя лично.

Содержание

Париж, Paris, Парыж	5
Телефон с тихим дозвоном	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

DUализмус. Цветки календулы

Ярослав Полуэктов

© Ярослав Полуэктов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Париж, Paris, Парыж

Не будем тратить предисловие на знакомство с героями.

Не станем распыляться на выявление характеров.

Да и нехрен с ними – такими – знакомиться. Вы будто в бесплатный цирк сходили, посмотрели на клоунов, всерьёз ничего не приняли: в результате останетесь чистенькими.

А они как бы сначала побудут тут... с оказией, побалуются, покуражат, а в итоге тихохонько растворятся. В литературе. Навсегда. И никакого вреда. Ни Парижу, ни читателю, ни человечеству.

Не требуйте с автора сюжета! Что за дела? Что за пошлые штучки этот сюжет?

1

Не откладывая в долгий ящик, начинаем хамить. Ибо е правда жития и никуда от этой правды не скрыться. Тут уж кто сколько стерпит. Привет издателю.

Бумкнула Франсуаза, ответила Маргарита.

– Эй, парни, это одно лицо!

Наклали двадцать восемь лошадей по дороге к базилике кругликов. Века давно раскатили их сначала по Парижу, а ветер и вода позже – по всей планете, а парижане всё равно помнят.

Помнят также Бима, Ксан Иваныча, Малёху, ксанин автомобиль Рено. Может и меня запомнят.

«— Очень это французской нации нужно! Да такой нации и нет, – отвечаю я, чтобы показать: сам, мол, подкован и все у меня тип-топ».

Ха-ха-ха! Как я наколол читателя. Слова в кавычках вовсе даже не мои – как я могу сам себе противоречить. Эти слова принадлежат самому настоящему французу. Даже, можно сказать, французу из французов – Луи Фердинанду Селину. Во как!

Так что шансы запомнить этот рассказ есть.

2

– Кирюха, ну ты что? Ты придумал, как мы на кладбище поедem?

Это взъерошенный со сна Порфирий Сергеевич Бим-Нетотов сбросил ноги с постели, почесал, извините, кокушки и, без извинений, левую сторону голой – формой под петушка имени Буша – ляжки. Под прозрачной цыплячьей кожей с намёками старческих пупырышков видна сеть ручейков, в которых когда-то текла кровь, но теперь вместо неё алкоголь пивного происхождения. Соседей по койке рядом с ним нет. И никто не прочёсывает местность с приспущенными брюками.

– Давно воскреснул? А я токо что.

– А я вижу.

Проснулся я на самом деле давно, и вовсе не умирал. Я и не пил практически: против Бима я трезвенник. И всегда – против некоторых сексуально озабоченных – сплю в дягилевской длины и красоты трусах.

Разве можно Париж просыпать? Откусите себе язык только за мысль об этом! Хотя язык не виноват. Язык – всего лишь рупор мозга. Зато язык ещё и стрелочник, потому как крайний. Или наоборот. Лучше языка стрелочника нет.

Жёнка – ещё до развода – мне говорила: «Ты меня обижаешь».

Я удивляюсь: «Чем?»

Она: «Словами».

Я: «Ты суди по делам, что ты на слова обижаешься?»

Она: «А я всё равно обижаюсь».

Я: «Я же тебя даже не бью... как некоторые».

Она: «Нашёл эталон».

Так и разошлись: слово за слово, слова материализовались, и привет родителям.

Без языка ты и не жив, и не мёртв, как в русской извращенческой сказке про неголую и неодетую.

Или как у Буратины: с языком ты скорее жив, чем мёртв.

3

Утро в Париже это НЕЧТО. Это романтическое зрелище, особенно если едешь не с этими обормотами – хотя и с ними уже свыкся – а с нормальной девчушкой, готовой целоваться в транспорте и на скамейке, прижимать себя к твоим бёдрам, хвататься за руки, щебетать дурь и любиться ежевечерне за три бутерброда на бегу, за бокал вина в бистро и один полноценный обед в день.

Наши девушки такое могут себе позволить, ничуть не стесняясь такой мизерной – считай обидной – цены. Хотя, если рассудить по справедливости – билеты, гостиница тоже в счёт. Так что и не особо дёшево, если трезво рассудить.

Кто ж с тобой – ещё немного и вовсе старым пердуном и дряхлым пижоном – будет чпокаться, если у неё у самой деньги на билет есть. Даже и не поедет с тобой, если у неё есть деньги на билеты туда и обратно и для показа той таможне. Та-Можня этим озабочена. Эта Не-Можня ничем не озабочена.

А в Париже без денег можно прожить на обыкновенных деревянных скамейках на львиных – из чугуна – подпорках.

А если подцепить парня – пусть даже темнокожего – то и вообще хорошо. Хотя деваху в количестве одна особь французы не пустят: с русскими девками тут труба. Того и норвят навсегда остаться: замуж за ихнего выйти, прописку получить, потом развестись и хапнуть чужого имущества. Имущество лоха – его проблемы: хотел русскую – получи, а нахрен всему Парижу лишний народец? Тем более наши бабы по инерции требуют шубейку. Мужики... Русские мужики эмигранты, так они вообще лишние. Они работу отымают у старожилов. И, вот же черти, не хотят мести улицы! Всё норвят в писателей, в художников, бездельников... Ладно, в бездельников можно. Только не в бомжей, а наоборот пусть. Живите в гостиницах, тратьте свои тугрики на радость парижанам.

Хе! Негры, выходит, лучше. Стопоньки! Дабы не нарушать моральных устоев общества мы, вместо узаконенного, но долгого термина «лица африканского происхождения» взамен «негров», стали называть их сокращённо и по-доброму «Л.А.П.». То бишь лапы, лапушки. Такие «лапы» меньше кочевряжатся, а если кочевряжатся, то только на предмет ущемления их прав. Они, дескать, тоже аборигены, а если порассуждать, то ещё и похлеще белых.

Именно разные приезжие гадят и смердят методом «где попало». В метро и без приезжих очереди за билетами – стоят плотно, зигзаг гуськом, нефритовый грифель не пропихнёшь. И через шлагбаум приезжему не перепрыгнуть – тут же пожурят францоизишки-аборигены, то бишь бабушки – дедушки ихние. Зачикают белые воротнички, они такие все важные да кичливые. Полицейского позовут. Кто тут у них закладывает? – свои или приезжие? Или лапушки? Вон их сколько топчет Париж. Хотя нет: последовав нашему примеру, через защёлкнувшуюся вертушку стали сигать восприимчивые на всё новенькое молодые французики. И смотрят на нас, как на героев. А нам с Бимом с этого приятно.

...Итак, скрутил я матрас в рулон и выставил в угол, свернул в стопку простыни, добавил одеяло, и бросил всё в ноги Биму: а спал я на полу у самого балкона. Как и обещал с испуга где-то в середине романа.

А его величество Бим почивали по-человечьи – в мягкой койке на две персоны, хотя нами предварительно рассчитывалось гуще, по крайней мере – как это говорится у хронических алкоголиков? – ага, вспомнил: «соображалось на троих».

Сыночка, естественно, как привилегированное существо, обладает *coikus personale*.

Возникает у вас вопрос. Что за групповуха там такая? Сильно что-то уж у них запутано. Геи – сидоры – бляусек? Да не парами, а всей мужской туристской группой? Чересчур уж как-то это всё.

Но, честно скажем, Малёха в этот раз руки на коленку Бима не складывал: эта болезнь нежности к Биму проявилась позже – при пересечении Монголии в одном из последующих годков. О чём, может быть, когда-нибудь поведаю миру.

Ну, дак и что, спрашиваем продолжая: грех это – трём мужикам в одной койке спать?

Отвечаю: в России грех, а в Германии давно и полно голубых клубняков: записывайся, плати вход и шпаклюйся, и сосискайся с кем хочешь и чью хочешь. Можно вайфюрст, а можно и блэккотлет – без ограничений тут. А в Париже не грех... потому как этак дешевле выходит. ДЕШЕВШЕ, пацаны!

Про пацанов я про тех, кто на последние кровные за границу едут, а то тут половина других пацанов уже слюни пустила и думает, что я щас порнуху в подробностях распишу – деньги вон уж из кошельков достают, в очередь за книжкой встали, автор рядом с авторучкой – автографы писать, может, думают, и этому Эктову удастся «вставить на память»... – вместо получения автографа, вон там за стеллажом вон того книжного магазина... А в нем теперь только одна «Астрель» вместо замученной капитализмом многогранной и всеядной «Угадайкниги». Жесть! И типа – раз он такой ловкий шалунишка – значит уже прямо тут можно брать за рога и своё в чужое совать. А дома уж, когда отдохнут, для развлечения и завершения – сладок в сексе старикашка не только на бумаге, а больше в жизни – на страницы поттречат так густо, будто бы на экран телевизора в Анфискином тренд-канале, и вытрут гнусный свой агрегатишко об цветной шмуцтитул.

Ага, дождётесь!

Речь ровно наоборот. Как раз, чтобы было наоборот, я сделал именно так, как 1/2Эктов обещал в какой-то главе. Разницу надо различать: Одно Второй Эктов и я – это две больших разницы. Тут он не соврал. Запомнил, падла, мою угрозу и страх: «с разными голыми Бимами не спать!» Я это хорошо помню.

Вот и устроился я рядом с балкончиком.

Вот и болтались всю ночь надо мной створка со стиркой (три «с» – повторяем ошибки 1/2Эктова).

– Тудысь-сюдысь! – это стирка, бельишко, носки на бечёвке. – Скрип-скрип, – это манускриптит деревянная рама над головой. Висит как разболтанная по старости гильотина. Вот-вот сорвётся с петель. Она не снилась мне долго, так как я, слава Христу, не знаю её детального устройства. Революционные ингредиенты первой французской революции! Надо бы их знать сынам революций отечественных. А не охота! А не буду!

Так я и спал под эту «романтическую музыку старых номеров» и «чарующий шелест ночных парижских такси». Но, тьфу на этом, а то запахло. Чем-чем. Хэмингуэевщиной, вот чем!

Тупо разбудил обычный трамвай или ещё более обычный троллейбус: это я уже забыл – что там у них внизу было; надо будет в Планету-Землю посмотреть.

Запомнил только машинёшку, улепленную сплошь зелёным – искусственным, конечно, газоном: живым-то оно было бы забавней; и с глазами она ещё была. Остановилась под

самыми нашими окнами: мы на четвёртом этаже, почти под свесом кровли. Чёрт, забыл вверх посмотреть, а там, наверное, было не всё так банально, как у нас на родине: здесь профи-лёчки, жестяночки правильно загнуты, воронки все с завитушками, дырочками, зубчиками, ромашечками и то и сё, как полагается в их европейском модернизме. А присмотреться, глядишь, и надстроенная мансардёшка там, и наклонные окошки в ней, и флигелёк, и садик во дворе, и на крыше дамочка в одних трусиках. Валяется! В центре Парижа! Ей можно помахать цветочком, а она, возьми, да ответь! Хоть у неё те самые праздники, и на работу не пошла именно поэтому. Ну, не захотела и всё! Плювать! Эй, спускайся сюда!

Крассо-тыщца!

Тут что-то обвалилось за окном, а в коридоре раздались женские шаги.

Ба-бах! Всё вдруг окрасилось сепией. Флэшбэк! Ненавижу флэшбэки. Путают они всё кругом.

Растворилась дверь и, не стуча, ввалила уже будто бы виденная где-то мною женщина. Ополчились бабы мира и родные когда-то. Ведь, хочу доложить, брошенки ревнут и после брошения. Ибо бросают их не в конкретную цель, а как бы на волю течения, и их частенько или прибывает назад, или они прицепляются к кому-либо специально неподалёку, как к непотопляемому дереву и ждут-не дождутся момента, когда ты сам проплывёшь мимо какашкой, и тогда тебе всё припомнят и скажут, что ты, мол, видишь, стал какашкой, а при мне мог бы стать деревом как и я. А тебе уже пофигу, потому что время твоё кончилось, и ты плывёшь по точному адресу, туда, куда в итоге сплавляются все. И даже крепкие с виду деревья, иногда называемые топляками. Хотя чаще топляки, когда приходит их время, становятся тяжёлыми. Один их конец держится за дно. Другой конец пропарывает днища кораблей. Крепкие системы – неподвижные. Они скучают в застылости. А какашечки могут плыть и плыть, и ими питаются и птицы, и рыбы, и производятся микробы. Это отличная польза миру паразитов. А если повезёт, то их притянет какая-нибудь насосная станция. Там их засосут, прохлорируют, ультрафиолетом подлечат, а они ещё больше окрепнут, загорят, станут симпотными как звёзды, и они приобретут иммунитет, и снова их запустят в жизнь... и...

Отвлеклись, кажется... Сепия тут стала мигать и местами походить на правду... Радуга брызжет. Каждый охотник желает знать где сидит... Знаем-знаем, не надо тут нам втирать! ... Горничная, уборщица, официантка? Что-что? Завтрак принесла в постель? Ух ты! Давай-ка его сюда! Кто тут был сервисом недоволен? Ах это был наш молодой друг Малёха! Принюхиваемся. Повеяло мюнхской рулькой. Не может быть: мы в Париже! Нос уточняет: фазан жареный. Глаз... неужто врёт: официантка. Ну, и нарядец! У цветах усё алых! Будто только что из Саратова. Без тележки.

Нет, не официантка. Или она? В постреннесансных романах всё всегда так неожиданно и некстати. Бабы вылетают откуда-то сбоку. Не стоя фазаних, нет. Одна и как-то на «Ф». Что значит «фиолетово» ей всё. Во: с флейтой, млин! Что ж они такое творят! Саратовки! С Угадайки-тож. С флейтой! Чего ради творят? Куда флейту можно пристроить? Ладно, что не с арфой припёрлась!

Тут музыка: долгая, странная, басовая си бемоль. Что это? Ах это музыка нашей планеты за последние двести миллионов лет. Ладно, ладно, замах оценили. Автору зачёт. Режиссёру зачёт. Композитору двойка за плагиат.

4

– Ах, как глупо своего дома не знать, – сказала голубушка Варвара Тимофеевна, а это была именно она – общезнакомая тёлка из XIX-го Таёжного Притона, флейта вынимаема из сумочки.

– Пришлось задирать подол у самой водосточной трубы, а говорили, что в Париже клозеты на каждом шагу. Хорошо – дождит, а то бы и не знаю, что со мной бы приключилось.

Неудобно как-то сухие тротуары мочить. А я к Ксан Иванычу, – говорит, – где он? Как нет? – самое время! Я с гостинцами к нему. Должна я вам, кстати, сообщить на ваш вопрос, что ваш ненаглядный Ксан Иваныч вашу нумерную гостинку в Гугле нашёл. И позже ещё раз нашёл, – по приезду, так сказать, чтобы супружнице доложить своей ненаглядной certainty факты, так сказать. Нашёл и фотку – по вывеске, кстати, – и место вашей теперешной дислокации. Век-то номер двадцать один с Рождества Христова.

Порфирий что-то замолк, засуетился... Засомневался в технологических возможностях века и в правильной дате начала исчисления. Всё это мутно и каждый король норовит по своему считать... чтобы наколоть соседа. А-а-а, забыл, это не самое главное, а подспудно. Главное: он же голый вниз от пояса. Прикрываться одеялом стал. Всей маскарадной прелести и новизны ситуации не понял. Тоже мне герой – любовник. Могли бы вдвоём этой Варваре Тимофеевне... Как давеча в Угадае этой... ну-у-у... Стоп-стопарики!

– Голубушка, Варвара Тимофеевна, – вместо предложения ночной луны, звёзд, как дыр в занавеске рая, и вместо горячего сердца двадцать первого века стал оправдываться я.

А ведь я – не в пример уважаемому Вами Ксан Иванычу – не только хотэль в Гугле нашёл, а ещё проехался на невидимом автомобиле и катался по городу, рассматривая фасады, до тех пор, пока не стукнулся головой об виртуальную ветку и в заблудившееся положение не встрял. А там и Гугл издох: виртуалил-то я с места службы, а на службе для каждого назначен трафик, все уже привыкли и стали в него вписываться без проблем, начальство наше, поразмыслив, решило, что все уже стали честными людьми и ограничение сняли. Хренов им!

Тут Варвара Тимофеевна ойкнула, слово Бимовский сморщенный орган ей, видите ли, не понравился. Как бы не в строку шло. А её это колет.

Она поначалу вышла из барышень, а потом уж только завела себе Притон на отшибе, и набрала на службу разных диких Олесек. От заезжих джипперов, батюшек с приёмными и своими детьми, набожных сестриц, колдунов, беглых каторжников, ролевых игроков и нечисти местной теперь у неё отбоя нет.

– Голубушка! Мы идём! – кричат гости, только вывалившись с баржи. Пить начинают ещё с берега. Пока дойдут – а там всего-то идти триста метров – ящика шампанского как ни бывало.

– Ну, дак, – продолжил я, – искали честных, а нарвались на глупых. Я – не поверите – наивно тратил из общака и удивлялся: надо же, какой Гугл энергоНЕёмкий. Лишил всех коллег радости общения с Интернетом на целый месяц. Ну и ладненько. Прожили как-то, хотя и позубоскалили поначалу.

– Как ладненько, – спросила Варвара Тимофеевна, присаживаясь на койку рядом с Бимом, – простите, сударь, можно я рядом с вами посижу? Или на минутку прилягу-с. Подайте подушечку-с, милейший.

Бим подвинул испод подушечку.

– Устала-с. Парижец такой большой городишко. – А мне: «Ладненьким не обойдётся, сударь, говорите правдиво: вас лишили работы, так ведь? Или наложили штраф? По-другому в нормальных фирмах не бывает».

– Простили меня, потому как дело шло к концу месяца, и даже денег с меня не взяли, хотя я предлагал излишек расхода оплатить со своего кармана. Может мне пора отвернуться от вашей картинки?

Тут Варвара Тимофеевна, забыв про меня и не ответив вежливым «можете и посмотреть наши шалости, а можете чуть погодя присоединиться», стала закидывать нога на ногу; фальшивый костыль в сторону. А как только приподнялся край платья, показались кружева и оголилась розовая коленка, так Бим стал валиться на неё и тут...

И тут Бим стал мной, а Варвара оказалась Маськой. Прорезь у Маськи оказалась нежной, белой и тонкой, но не так как у Тимофеевны – обросшей рыжими волосами и труднодоступной – как дикая тайга (тайга ещё цивилизованной бывает, когда из неё делают музей с билетами), – а такой, как полагается молодым и неопытным девушкам. Или то была Фаби? Но тогда я ещё не знал Фабиного устройства. Значит то объявившееся чудо было Маськой. Расцветает девушка на глазах всего Интернета.

Но тут же спросонья, механически: «ой, не надо», а я: «должен же я знать как там у тебя устроено».

А она: «не надо, не надо, а то я тоже захочу». Шалопайка.

А я был готов, взмок, прилип к её заднице в обрезанных джинсах и жмусь; а ножки стройные, белые, гладкие без единой волосинки, животик плоский, но мяконецкий и женственный. Теперь же – а я не насильник и не педофил, а лодырь – пришлось взять себя в руки и отбросить задатки Казановы в сторонку. Я будто бы очнулся, зевнул для пардонуа – будто не виноват я, а будто автоматически во сне полез – а за это грех списывается. Встал, засунул разочарование кой-куда, оправил членство и, пока не истёрлось в памяти, полез в компьютер записывать ощущения...

Так Варвара Тимофеевна – конченная замужняя мать таёжных проблядушек, и маленькая хитрушка, мечтательница, путешественница автостопом двадцатилетняя Маська-Фаби оказались одновременно со мной и с Бимом в Париже.

5

Флэшфорвард. Цвет синий.

– За что же ты себя наказываешь мазохизмом? – спрашивала меня Варвара Тимофеевна уже через пару веков, когда я сильно повзрослел, но ни черта не изменился, – трахать их всех надо...

Вот так думают современные женщины, оглядываясь на оперативно и бестолку прожитые годы. А что ж тогда сами в нужное время, в тот самый потребный час...

6

И оказывается: всё, что мы видели и пощупали реально в Париже, не так всё было и далеко. Зря Ксанька пожадил на своём авто ездить. На машине мы увидели бы ещё больше.

...Успел сфотать Травяную машину¹ в тот момент, когда она тронулась. Фотка потому смазалась: был некоторый туманчик, а, может, и дождь накрапывал, рождаясь из парижского отсека космической млечности, в которой рождающий луч...

И часть трупов – что висела на улице – опять мокрая.

Высматривал Ксанькину Реношку, но её отсюда не видно: липы мешают. Может и не липы. Ну, а что ещё может расти в центре Парижа? Клёны? Карагачи? Тополя пирамидальной ориентации? Дак, не субтропики, вроде, и не Алма-Аты, и не Бухара ты, Париж твою мать!

А машина в квартале отсюда, стоит в непопуганном месте на наш общий страх и риск.

Можете сидеть в библиотечной уборной, с моей книгой как и сидели до того, если не верите, но Ксаня – а он сам рассказывал утром – всю ночь ворочался, метался, Бима испинал, разворошил бельё, не спал и страдал: штрафы тут о-ё-ё! Кусаются штрафы больнее бешеной американской собаки из вестерна – койота, поганее энцефалитного клеща. Вакцины от штрафов нету. Гм! Это что-то! Двести или пятьсот евро. Уточним, когда к машине

¹ Обиита искусственной травой.

подойдём. Там на стекле должно Ксанькино кино «Страшный парижский сон» висеть с озвученной в реальности ценой вопроса.

Выглядит киносон (сколько вам лет, милая читательница? вы за рулём?) как такой бумажный, самоклеющийся стикер-привет от гаишников с восклицательными знаками и номером счёта в банке, куда люди, кривя морды, перечисляют положенное. Если они не согласны, конечно, на арбитраж и разборки. А ещё дороже выйдет!

Нет, дамочка! У вас те же симптомы относительно стояков. А я говорю так: чего с французскими гаишниками бодаться, если факт налицо?

– Вы – мэр города Угадай, что ли, Старого Оскола, Новогришковца? – спросят они.

Мы: «То-сё, а толком ничего».

Священный русский запрет на исполнение правил придуман не для всех русских, а только для избранных.

– Дак ни пошли бы вы тогда в жопу! Ты русский депутат Европарламента? А не грек, не сербская обезьянка? Так пошёл в пим! И мы послушно идём, куда командировали и что посулили, потому что мы не смелые Жириновские соколята, а обыкновенные петушки общиплого мужского рода и такого же столовского возраста. Там ещё мухи роем, напоминающие вечно обмущенный Томск.

Или к пустому месту подойдём. Там была служебная стоянка: для своих, для почты, жандармерии, пожарников, ГАИ ихнего. Всё прописано прямо на асфальте. Заберут, как пить дать, наш автомобиль. Готовы были ко всему, а гараж искать лень, а ещё пуще того жалко тратить по сорок или восемьдесят евро в сутки – какая разница в цене вопроса.

– Заплати бабки и спи спокойно, – рассуждал Бим, отряхнувшись с Варвары Тимофеевны и опять выставив на обозрение свои условно живенькие кокушки и свой мерзкий ***. Вместо трёх звёздочек тут известный овощ.

– Бабки – это бабки, – сказал он, – что их жалеть? Специально копили, чтобы тратить.

– Бим, а баба-то где твоя? То есть наша, теперешняя... вместе потёхались... Тимофеевна она, или, может, Маська. Или Фабька?

Нет, Фаби я ещё не мог упомянуть: повторяю: мы ещё не познакомились в тот момент с Фаби. Я познакомился с ней только через несколько часов, когда мы уже пошли вглубь Парижа. Конспиративная левитация, или дежавю, значит.

– Моя? – Бим поозирался, – баба моя в Греции, я же говорил, гречанка она временно. Но не Маська. Масяня – это такой комикс. Почему она и твоей вдруг стала? Тимофеевна она, да. А почто, я разве тебе отчество говорил? Называл? По пьянке что ли? Это надо разобраться...

Тут Бим с какой-то стати затеял с закрытыми глазами стыковать указательные пальцы.

– Не сходятся пальчики, ой не сходятся... Таинствуешь чего-то ты, Кирюха. Тупишь.

Точно, туплю. Приснилась мне Варька Тимофеевна ночью, а сейчас уже утро. Ушла женщина как кипятик в мороженое. И растворилась нежная недотрога Маська. А я в итоге не выспался под окном. Облака ихние точь в точь, как наши родные российские облака. Но их присутствие почему-то не помогало мне также спокойно по-русски дрыхнуть. Я не спал, а думал про облака, смаковал и расстраивался об их внешнем сходстве при принципиальной разнице как снотворных, *ainsi, réalisés dans les différents états*.

Короче, Ксанька ездить по Парижу на своём классическом авто с чемоданом наверху категорически не собирался, ибо он считал, что в Париже, особенно в главном округе... Тут я не оговорился: Париж в большом Париже – на самом деле это только центральный район, а остальное, хоть и в черте, уже не Париж, а периферия. Тьфу, мутота какая! Короче, Ксаньке – оказывается – и в большом, и в малом Париже негде припарковаться и бросить якорь даже на пять минут. Так он решил заранее, даже не пытаясь проверить экспериментальным путём. Что на практике так и вышло: как бы не хотелось нам с Бимом обратного.

– Эвакуаторы-то ихние по ночам колобродютЪ, – воодушевлённо, но с растяжкой предложения и со старооскольским акцентом в последнем слове намекнул Бим, – это вам не в Угадае моторы где попало ставить.

И опять запахло кринолинами. Я задрал голову в потолок, потом встряхнул ею.

Бим тоже, – что там, мол, на потолке углядел? Розеток нету. И сам он не англичанка, а оба вместе и по раздельности – натуральные позёры.

– Видение у меня было.

– Меньше надо пить. Хочешь, опохмелю? Или дряни курнул?

– Нет, не курил я, это Малёхина юрисдикция.

Гараж-стоянка – это ещё хуже, потому что где её и как его-её искать непонятно: языковой барьер!

– А «Вокзай-то ду ю Норд» – рядом, – сказал Бим, поёжившись и стукнув щелбаном по головке своего малыша – лежать! не высовываться! – стоянки там всяко должны быть. С охолустий много народу наезжает, а встречающие их же должны где-то ждать. А они же не могут без автомобилей встречать: их же родственники за бедных посчитают.

– Дорого, – сказал с порога вошедший Ксан Иваныч, и мгновенно проникнувшись сутью беседы.

...

Нет! Не так было. Было это раньше. Жик, жик, жик – прокрутка назал.

– Дорого! – без обиняков заявил Ксан Иваныч, без всякого проникновения в суть беседы, ибо это было сразу по заезду в гостиницу, – машинку попробуем оставить на одну ночь на улице. Может нас флажки спасут. Там же российский есть? Есть. И номер российский. Испугаются. Зачем им с Россией отношения портить? Да же, Малёха?

Малёха, как бы играючи, поочерёдно приподымал и *опущал* плечики.

7

Утро следующего дня.

Великовозрастный сынишка Ксан Иваныча Малёха проснулся позже всех, тут же засобирился куда-то, помельтешил с ноутбуком и, зевнув для порядка, ушёл в Париж пополнять запасы травы.

– Папа, дай денег, – шепнул он предварительно, – у меня уже кончились.

– Как же так, сына, я же вчера тебе давал сто пятьдесят евро?

Ого, моему бы сыну выдавали хотя бы по сто евро в день!

Ксаниному сыну похеру. Вчера вечером Его Наивеликое Высочество Малюхонтий Ксаныч посетили Диснейленд. Чтобы доставить великаго прынца туда, вся гурьба, поломав путевой график и наплюя в дефицит времени, сдёрнулась с трассы, доехала по навигатору – куда приспичило прынцу – и высадила прынца прямо у кассы.

– Знаешь по-английски несколько слов?

– Знаю.

– Ну и нормалёк, не пропадёшь. Вон в ту дырку суй деньги. Генплан... вон он на картинке. Изучи и вперёд. Носовой платочек есть?

Нафига сыночке носовой платок: бабло вперёд давай!

Заволновался Ксан Иваныч, сердечко трепещет: как же, сына одного в парке – в парке, пусть и детском, тем более, детском, чужой страны (!!!) ё пэ рэ сэ тэ оставил.

После этого дерьма мы поехали дальше – устраиваться на ночлег. Ближе к вечеру папа забеспокоился, отвлёкся от всех своих оргдел, подсел на телефон и созвонился с Малёхой.

Трудный возраст у папы. У Малёхи же – ловкий.

– Ехать надо, – сказал нам отец в результате, – Малёха уже всё посмотрел, говорит, что его уже можно забрать. Голодный, наверное, мальчик.

– Ага, и устал бедный. Вагоны с рогами изобилия разгружал, туда-сюда таскал, аж в штаны наделал от усердия. – Это подумал я, так как Малёхины условно обделанные трусы висели рядом с моими чисто постиранными, и наводили на соответствующие мысли.

– Ну и что? Езжай, – отреагировал Бим.

– Я один не поеду, – сказал папа, – кто будет за навигатором следить? Я не могу одновременно рулить и в навигатор смотреть. Кирюша, друг, выручай, – и наклонил виновато голову.

Первый раз в жизни я услышал ласкательное наклонение своего имени и приготовился таять от нежности. Это всё означало, что он понимает, что виноват, но вызывает к всемирному SOSy и дружбе.

Разбаловался чересчур папа, привык, что за навигатором всегда кто-то есть. А этот «кто-то» – это я.

Так и прицепил он к дурацкой поездке меня – я не был в ответе за сыночку – папы достаточно; но я был главным по джипиэсу и, следовательно, главным по любым передвижениям.

Папа, понимаешь ли, читательница (как тебя, милая, зовут?), потрафляет разным сыночкам в ущерб обществу, а общество в ответ должно потрафлять папе в его сознательном пренебрежении к нам, и в противовес к сыночке. Сыночка на одной чашке весов, остальное общество на другой, но стрелка показывает «ноль»: всё нормально, господа, чашки уравнены, всё по-честному.

Бим принципиально отказался: «хотите расколбаситься – колбасьтесь без меня. Мне ваши личные, извращённо корпоративные интересы, и по ху, и по ю». Так и сказал.

Вдвоём с Ксан Иванычем мы поехали за общественным сыночкой – дитём папиного порока. На сыночку каждый из нас потратил по три драгоценных часа вечернего туристического времени. Папе это было не важно, а я всю дорогу сидел смурной, уткнувшись в джипиэс, и делая вид безразличного, профессионального спасателя и заботливого друга в одном лице.

– Гэ это – твой хвалёный Евродиснейленд, – сказал сыночка папе, улягшись в заднем сиденьи бароном, дожёвывая макдон, – у нас на Осеньке лучше.

– А ты в тире был? Сядь, пожалуйста, а то подавишься! Что я маме скажу, если помрёшь?

– Был я в тире.

– И что.

– Не понравилось: пневматика у них там.

Ему, понимаешь, настоящие пули подавай!

– На американские горки ходил?

– Прокатился раз. Гэ. В Америке Диснейленд лучше. Съездим как-нибудь?

– А замки, дворцы, паровозики и...?

– Всё Гэ, – сказал сын, – аниматоры достали, и все достали. Подходят Маусы с Джерями, скачут, корчат рожи: дай денежку, купи мороженку.

– Как же, – удивляется папа, билетом всё оплочено... кроме мороженого

Я чуть не выпал на трассу. И из-за этого его «Гэ», которое частично «По» (понос), потому что смахивает на «Жи» (очень жидкий детский, аж зелёный), взрослые мэны столько времени... да что говорить...

Отвлёкся, продолжаю насчет оставления машины в непопозволенном месте. И где же теперь Варвара Тимофеевна и платице её красное с розами? Неплохая бабёнка-с, кружев-

ница в любви... Причёсочка у неё – полотенце в чистилище, завивка кончиков – обрамление райских ворот, шесть буклей по утрам (я сосчитал) – божьи голубки в облаках, живот – дорога меж холмов блаженного направления.

– Короче, – вбивал я мысли в джипис, – порчение отношений с Россией – это палочка-выручалочка для любого русского путешественника, если, конечно, он бродит не один и не по трущобам, а в нормальном, цивилизованном районе, где полно всяких других иностранных туристов. Тепло на улице, как у меня дома. К русским туристам у иностранцев особое отношение. Ирландские тётки в каком-то кабаке отмутузили своих же рыбаков только за то, что они выразили презрение к русским посетителям, бывшим на изрядном веселе. Русские в кабаках оставляют много денег, а также, как мне кажется, неплохо ведут себя в иностранных постелях. Стараются, потому как от русских жёнок они такого удовольствия не получают со дня свадьбы. Стараются иностранные бабы, потому что от своих мужей они получают ровно столько же...

– Чего молчишь, Кирюха, фантастической скромности ты человек, – спросил Ксан Иваныч, – вопрос-то мой совсем простой. Правильно едем?

– Пригрозить пора Сенегалу! – сказал я вполне невольно согласно количеству выпитого с утра в Париже и начав культурную тему взамен прозаической бойни. – Мы ловим рыбу для еды, а не на вывоз. Чем мельче страна, тем пышнее там двигают плечами, выдавливая наш флаг. И гордимся нашими художествами. И это не утопия, а образ концептуального комического будущего. В Сенегал теперь коллекцию точно не повезём. Так обосрать... Пусть там смотрят Энди, блинЪ, Уорхола. Бэнси-картинки, бэнси-мышление, бэкон-еду и макдоны их. А всё равно не поймут ни черта...

Кажется приехали. Или ещё едем. Или ещё не отъезжали.

– Разницы тут особой нет, – просигналил встроенный в джипис механический сочинитель. Он ещё не вполне отрихтован и может ошибаться в хронологии.

– Надо бы встроить и эту функцию, – только успел подумать я...

– Это будет только в 2015 году, – прошипел сочинитель.

Вот же дубовая nanoштука! Перепайка в зоне 23. Этаж минус 8, 2-й коридор направо, кабель 124x11, заменить на полусиликат, трещина, утечка информации, полный сбой.

Продолжение темы случилось в следующую стычку. Ведь каждый уголок Парижа, люди, лошади, кораблики, соборчики требуют отдельного разговора. А не на бегу в Диснейленд. Тем более без согласия... Везде требуется камеру поставить. Всё требует фотографической документации. Это, блин, легендарно. Это не обсосанная нами и просверленная насквозь Сибирь. И никакой гонки между университетами. Никакой ламинарности и турбулентности. Эй, валенок! Отошёл! Нечего мерить нашу стальную красоту тряпочной рулеткой. Или поставить скульптуры. Пониже, вон постаменты – чтобы покопаться руками. Наши дети должны... Ощупать всё. Европу. Америку. И так далее. Показать им... Ида Рубинштейн, русская культура – это наша визитная карточка...

Зарычал. Бац по корпусу. Ну что за работа. Что за жанр!

Подзарядиться...

Пойти туда-сюда...

И прочее и прочее.

Всё на французском языке...

Наташа Водянова, доктор Живаго, роль модели...

То сё... Встать и умереть...

А теперь всё задом наперёд, а рихтовать время лень:

– Тебе виднее, – сказал Бим Ксан Иванычу, ни черта не поняв культурного порыва Кирьяна Егоровича, то бишь меня. – Ты – генерал, вот и рассуждай по генеральски. При-

нимаю решение. А я соглашусь, я зольдат, мне сказать приказ должны, хотя мне затея твоя не оченно-то... Не по нраву, словом...

– Ну и вывод ваш? – грозно спросил Клинов, объединив меня с Бимом в единого врага.

– Ты генерал. Это вывод. А я солдат. Это выход. А что? Да, солдат. Хуль, тут не армия что ли? Фюрера я зольдат, нерусь в Париже! Мы где сейчас? Глянь! – и пропел любимую свою: «Дойче зольдатэн унтер-офицерэн...», знакомую читателям... нет, ещё не знакомую читателям, потому что 1/2Эктов – этот путаник и его вариант механического сочинителя Джун-1 – засунули и Мюнхен, и Париж куда-то наискось хронологии.

– Да помолчи ты, блин, – прервал его Ксан Иванович, – ты не в Германии своей блинской, а в Париже! Па-ри-же. Забуди свой грёбаный Мюнхен.

(Вот так оборот! А кто в план Мюнхен вставлял? Мы с Бимом что ли?)

– Проехали! – продолжал Ксан Иванович, – а ты попробуй на площади пропеть... свой «дойче зольдатен»... так тебя тут, знаешь...! Как шлюху немецкую... за косу и в сортир! Тут пой Интернациональ! Знаешь слова? Вставай, проклятьем заклеймённый, весь мир голодных...!

Механизма молчит. – Баба она что ли? Вот-то дома выи...

– Бу-бу-бу.

Не нравится, видите ли, пол. Настроить на «би».

Бим вознамерился по приезду домой выучить Марсельезу. Слова и мелодию Интернационала он наполовину знает.

Проехали тему. Возвращаемся на час-другой назад. То есть снова в утро. Утро только в жизни короткое, а в литературе его можно развести на страницы. Не верите – проверьте сами. Не забудьте кошечку, клопов, отсутствие электричества, воды в кране, о-о-о, ё-ё-ё. Банного банщика. Дворецкого внутри, садовника снаружи, дворника под окном. Который на родине натурально шевелит стену лопатой... А тут, блЪ, дь, де Ревня, не Ровня, не Льеж certains не ровня, а де Париж, сударь-град мол! Да. Мол бишь при'стань, приста'нь ко мне heute Abend, ce soir, tonight, ком цу мир тебе говорят.

Механизму неподвластна и функция поиска ненорматива. Я её просто-напросто выключил для этой главы. Иначе будет неправдиво. Диво. Ива. Ив Монтан. Болтан. Желтан.

– Молчать!

– Жу-жу-жу! Жу-жу-жу!

– Лучше бы на плагиат проверила! Дура!

– Сам такой!

– Кто тебя включил?

8

Бим понял по-своему, – я давно уже встал, – сказал он генералу, – это ты дрыхнешь.

– Я не дрыхну, – сказал генерал, – я час назад вскочил, позавтракал и к машине сбегал.

– Ну и как вскоч, пользителен был?

– Потом расскажу.

Судя по глазам, всё было не так уж кончено и с пользой всклокочено, так как наша Реношка с чемоданом на крыше в какой-то момент оказалась близко – под нашими окнами, на расстоянии двух плевков от главного входа. Но я забежал вперёд. И никаких лазерных датчиков, никаких микропроцессоров, фиксирующих приближающуюся теплоту в виде полицейских, а в итоге тревогу не было. Не было ни глаз у нас, ни ушей. Все в ожидании беды, а Ксан Иванович больше всех.

Бим слова не знал, хотя они вроде бы стали международными, – или это про Марсельезу? – зато вспомнил мелодию.

А я некстати, а, может, даже и не правильно, вспомнил, что в Мюнхене мы тоже жили у вокзала типа Ду Норда, Северного, то бишь. Меня послали далеко, так как не в названиях вокзалов была суть, а в наличии рядом с ними бесплатных стояков. Буква «Р» где у вас, уважаемые парижане? Есть такая буква у вас в алфавите? Ну так, в чём же дело?

Хренов тут найдёшь бесплатные стоянки.

Я тоже стал зольдатом фюрера и смирился с будущими штрафами, хотя штрафы пришлось бы платить мне из общака. Это не экономично: я был главбухом и кассой, а там и мои паевые вложены.

...Я уже сказал, что давно проснулся, успел заглянуть в душ, состирнуть вчерашние носки, трусы и майку, в которых спал, и вывешал всё это хозяйство на законную решетку...

– А ты молодец: хорошо с трусами придумал. С сушкой то есть. Я бы не допёр. Не сдует? Кирюха, а ты всегда такой?

– Какой такой?

– Ну, типа чистоплотный...

Слово чистоплотность для Бима – постыдное слово. Сквернее, чем мат.

– Я обыкновенный. Зачем грязное бельё увеличивать. Потом хуже будет. Где бельё вешать, если его целый мешок. Я ма-а-аленькими дольками, но зато каждый вечер. Мне это отдыхать совсем не мешает.

– А в Праге было где вешать, – мечтательно напомнил Бим. Красоты ансамблей ему были как бы пофигу – на четвёртом месте после пива, состояния миокарда и некоторых интимных удобств.

На самом деле в Праге обычного окна, которое удобно использовать в качестве сушилки, не было. В большой комнате было только малюсенькое мансардное окошко, до которого, чтобы дотянуться и облокотиться, нужно было подставлять стул. В это окно мы только курили и, рассуждая о строительной судьбе Родины, обозревали черепичные, медные, цинковые крыши древнего города, освещаемые звёздами тускло и невыразительно, будто испорченными точечными светильниками фирмы «Свет».

– А ты не вешал, а по полу и по столам раскладывал. На спинках кроватей и по стульям, телефон занавесил. Ещё бы на крышку унитаза умудрился. Все места забил, а мы кое-как. Мы между твоего белья и шмоток как зайцы прыгали. Товарищей надо уважать и подвигать свои интересы в пользу общества. От целой надо идти заинтересованности, а не от личных частностей.

– Не забивайте мне голову товарищами. Гусь свинье... это пустяк. Фу.

Бим дунул в меня. Лёгкий утренний смрад двинулся в мою сторону, и я невольно поморщился и отпрял.

– Фуйшуй твой воздушный, вот что это, – философствует Бим дальше, – скупое мужское рукопожатие по почте. Понял? Товарищество отдельно, бельё отдельно. Трусы товарища – ещё не флаг товарищества! У каждого свои трусы! Я не частная собственность товарищества. Я честь наша, а не часть товарищества, понял?

Бим кидается словами так быстро, что я и не особенно разобрал наличия в них смысла.

– Я человек! – Бим поднял палец вверх и загудел. – У-у-у! Человек это звучит! Просто звучит. Я даже «гордо» не вспомню. Я спросил просто: «не сдует вниз?» А ты затеял дискуссию.

– Это ты затеял! – возмутился я.

Без алгоритмов. Дальше спорить бесполезно.

– Ладно, как там у них улица называется? – и съехидничал дальше примерно так: «Трусы Кирьяна Егоровича с российским флагом *поперёк фуя* (вот что к чему?) всю ночь искали хозяина на гишпекте таком-то». – Так в газетах пропишут. Ой, прости мя. – Бим

перекрестился и захохотал. – Прости, ну прости, милейший товарищ. Ты же понял: я просто китаец. Иа Шу Чу. Как нашу улицу-то звать?

А кто его помнит, как звать нашу улицу. Что-то связано с маргаритками вроде, или с госпожой Тэтчер. В Гугл за уточнениями я больше не полез: родных мегабайтов жалко. Варвара Тимофеевна, ты где, ау? Ну ты-то точно должна знать: проститутки всех стран объединяйтесь! Спросить у библиографов? Они-то знали бы и в доску разбились, чтобы найти нашу обитель по подробному описанию карнизов. А библиографам это надо? А? Не слышу. (А тогда у меня не то, чтобы библиографа, а даже биографа не было).

Бим: «Не надо это библиографам».

Я: «Не родились ещё нужные стране биографы. Сиськи покамест выращивают».

Бим: «Пока вырастят – ты помрёшь».

– Спустимся, спросим и у Чу, и у Шу... – Сказал я тихо и без напора. А сам, между прочим, надулся, если так можно про самого себя сказать при таких-то бимовских шуточках. Но я – за честность, даже если она не приятна слуху.

– Прочтём на вывеске, – сказал я, – узнаем, какие тут в газонах растут цветы... и ничего вашим трусам не будет. Мои же за ночь не сдуло. Откуда в Париже ураганы? Тут классно! Просто. Без выкрутас. Но классно. Тебе же не важны звёзды... мне вообще звёзды – на... шахер-махер: тепло, ключ есть, полы моютЪ, полотёшки меняют регулярно. Чего нам ещё надо? Бабы не хватает, так выйди и... в душе подро...

– Чичи таскала кирпичи, – шипит машина киева, предлагая замену точкам.

Бум ей по крышке!

А туалет там совсем оригинальный. Унитаз у самого окошка. Окошко узкое, но если привстать, чтобы позаботиться о гигиене жопы, то твой задний фасад и сорт туалетной бумаги вся противоположная сторона увидит. И на той стороне подобная планировка. И я в тех окнах видел, как бабёнка занималась мас...

– Массажем.

– Дура! Молчать, тебя не спрашивали.

– Да ладно, не краснейте, мадамы, – не массажем, мы же грамотные, а мастурбацией, типа тёркой полового органа, – дело-то обычное. Два раза в день – для нормальной, не фригидной женщины – это норма. Поверьте, я вас не фотографировал, а только сам чуть-чуть... Ну, как бы вздрогнул. Так же, как и вы. Но не до конца, а так... шутя как бы. Как хорошенькую собачку погладить.

– Стоп! В номере телевизора нету, – понизил Бим статус гостиницы, – просто не-тушки! Вот те бабушка и Юрьев день. Ихний Юрьев день. Сервиз по-французски! А оплочено всё! Выключь, блин, машинку. Она ток ест по-нормальному, а порет ерунду. Шутиха Балакирева!

Бим сказал именно сервиз, а не сервис, – тоже мне шутник. А про телевизор в сетке не прописано. Что есть, с тем и соглашайся. То же самое говорит чек. И холодильника вам не надо: ешьте в нашем кафе. Оставляйте там ваши денежки.

– Ёк-мотылёк, я тоже сейчас как ты сделаю. Подвинешь трусы, а я пока свои постираю? Верёвка длинная? Пожадил с верёвкой?

Верёвка типа шёлковой бечёвки или лески на всякий непредвиденный случай у меня всегда есть. Лежала в багажнике поначалу, потом я её в повседневную сумку переложил. Но моей предусмотрительности никто не ценит – только посмеиваются, а сами, вроде как бы невзначай, пользуются. То же и про шампунь, и про обыкновенное мыло, и про стиральный порошок. Я уезжал за границу на месяц, на целый месяц, а это что-то, да значит. Бим обещает возместить использованное по приезду на родину. Но, не возместил. Да и хрен с ним. Там каждый положил на алтарь что-то из своего. Никто не жадил и подпольно не еврейничал.

Бим: «Кирюха, слышь, а тут в гостинице даже стиральный порошок есть».

Я: «Это мой порошок. Из самого Угадай вез».

Бим: «И мыло? А почему по-иностранному прописано?»

Я: «И мыло».

– Подвину, не вопрос. А где твои трусы? Хоть помнишь, куда свои положил?

Бим поозирался. Задумчиво, но более демонстративно – желая произвести на меня эффект – почесал снизу мошонку, прикинул в горсти вес яичек – о-о-о, тоже проснулись – сказал. Я не прореагировал и не похвалил яичек, а Бим расстроился и пошёл в душевую комнату искать брошенные сгоряча и потерянные давеча трусы.

Я подвинул то, что меня попросили, и торчу в окошке дальше...

Хотя это не окошко вовсе, а настоящий-принастоящий французский балкон. Ностальжи идиота сбылось. Всю жизнь мечтал побывать в Париже, думал и умру без Парижа. А тут такое. Лучше бы и не знать, а мечтать по-прежнему, без крушения мечт... Хотя лучше знать. Лишний повод похвалиться перед девчонками: «Я и в Парижике-де бывал... Да что это за Париж, – хмыкнул бы я, не моргнув глазом, как Порфирий учил, – так себе, обыкновенный городок...»

А напротив тысячи таких французских балконов... Балкончиков, точнее сказать. Ксаня так и говорил: приедем, увидите – что такое настоящие французские балкончики – вовсе не то, как вы это у себя мечтаете и пытаетесь в проекты впихнуть... Сибирь! Какие, нахрен, могут быть французские излишества в Сибири. Погоду, господа, различаете? А как дети начнут падать? Лекция: «Как надо устраивать ограждения на балконах» «Ребёнок – что поросянок. Головка пролезет – значит, весь ребёнок пройдёт; вот и пролезает в точь по науке, и летит». Это слова нашего уважаемого преподавателя по проектированию Хрони. Он уж, поди, давно отдал богу душу, а летучая его фраза живёт в веках, и у каждого студента Сибири в особенности.

– На тротуар летит, а вовсе не на ветки и не в газон, – добавил бы я, – а его там внизу никто не ловит. Потому что никто не готов ждать под балконом такого сюрприза: когда там, дескать, созреет для полёта ребёнок, чтобы его поймать и получить за это Орден Спасения... Нашей Необычайнейшей любопытной Нации. И ещё: в Париже сквозь французские балконы чада почему-то не падают...

Тут почему-то Бим не согласился, и мне пришлось поработать с формулировкой:

– Ну, может, раз в десять-двадцать лет в зависимости от конфигурации защиты. А у нас так и норовят. И орденами за это не награждают. Потому, что часто летают и нет такой традиции – курительные балкончики делать. Ещё на них любить девушек хорошо.

Тут Бим чрезвычайно заинтриговался и даже попросил перед продолжением сигаретку. Я спрос тут же удовлетворил.

– Ну и вот. Поставишь её, она вроде бы курит и поглядывает на улочку, а на самом-то деле: ножки грациозно раздвинуты, а сзади пристроился Нектор Пыхтящий; и освещённая, блистающая рассыпчатыми огнями улица имени Камилла Писсаро с прогуливающимися под дождём французскими парочками – вся ему похрену...

– Здорово! – сказал Бим. – Теперь я верую, что ты что-то можешь. Весьма описал. Особенно, где «похрену». Да-да-да, именно так и бывает.

(Конечно, он уже двести лет живёт в Париже и выбал таким макарон сотню-другую шлюх и всех президентских любовниц. Правда постаревших, когда их уже никто не хочет).

Я, обласканный Бимом, гордо затушил сигарету и засунул её в щель карнизной полосы в уровне перекладки французского балкона.

Ксаня этого – то есть про заныканные бычки – не знает, а то расширится и будет орать про экологию и про чистоту городов в Европе. Он ругает нас так по-правдашнему, как разве что только невесту взасос целуют в брачную ночь.

– А особенно, – он говорит, – в Париже нельзя сорить.

– Какого хрена нельзя? Почему именно в Париже нельзя, а в Карловых Варах, дак можно? Сам ведь он сорил и ссал на ограду этих грёбанных Вар. А мы с Бимом отходили в лесок, вернее к овражку. Малёха опорожнять нутро уходил аж в глубину кустов и сидел там полчаса. Подозреваю: пока стоял в позе корточек – травы курнул.

А ограда там – колючая проволока. Какую-то герню огородили типа трансформатора. В Карловых Варах проволока? А хуля в Карловых Варах не может быть проволоки? Заблудитесь типа и езжайте себе по окраине Карловых Вар – сами увидите. И свалки там есть и рабочие районы, и заброшенные пустыри. Там тоже обычные люди живут, а не выхолощенные чистюли, блин! Цветочки, ноготочки, пилочки, дезодорантики на сиськи, дезодорантики на грудь и под мышечки – всё раздельно, кремик в голову, кремик в пах, всё втереть и... И так далее. Короче, вариант №1: промчали мы Карловы Вары, даже не взглянув на ихние гейзеры, ванны, встроенные в пещеры, разные курорты и просоленных хлористым натрием девок.

Всё лицезрели во Франциях. Сам же он вчера видел: месиво и срач на тротуарах Парижа. Хуже, чем на нашей родине. По проспектам тут ветром сор раздувает...

Хотя Парижу от этого не хуже. Одна переводчица на русский в хотэле так вчера и сказала: французам, мол, сор нравится, так как их столица от этого становится только живее; и эту точку зрения разделяют исключительно все престольные жители. Сплошное естество и детская непосредственность! Как это миленько для Парижа!

– Включая негров, если про естественность?

– Включая чернокожих. Так-то оно правильной выразиться, – поправляла переводчица.

– У ихних домохозяек-чистюль в хате мусора нет, всё в пакетах и контейнерах? И в окна бычки и прокладки не бросают?

– Конечно, нет. Вы что, с луны свалились?

– Нет, из России. У нас это бросают, но только отдельные личности, а у вас весь Париж в прокладках и гондонах. Обёрточной бумаги с бычками и то меньше.

– Висконсин, Швейцария, Гвинея Бисау... отношение 90, 0, 0,22! Есть компания судовладельцев, Конкордия, палуба +4: 64%, утром 98, – это трещит механическая машинка.

– Молчи, дура!

Переводчица: «Кому это вы?»

У меня в ушах чип и ей не слышно подсказок ДЖУ-1. А я иной раз мышей не ловлю. Забываюсь. – Я не Вам, простите!

Недоумение с подозрением на развод:

– Не знаю, не знаю. Про Россию не знаю. И прокладок на улицах не видела. Вы обманываете, – покраснела, – есть сомнение за ваше утверждение.

Одесская еврейка, что ли? Чего краснеть-то и крутить? Пусть так оно и будет. Бросайте хоть что. Нам пофигу. Не нам командовать чистотой Парижа.. Хотя на самом деле – это отговорки. Им или лень, или некогда убираться: площадь-то немеряная.

– Бим, какая у Парижа площадь?

– Площадь Звезды. Ле Этуаль.

– Сам ты «звезды». Бульварное кольцо лучше скажи. Улицы тёмных лавок ещё посчитай! В Париже площадей – пруд пруди, а «Звезда» – вообще четвертушечная площадь – звук только, – пфу, и то из-за Арки, а не достопримечательность сама по себе. Ну, пять лучей, ну двенадцать. Ну и что? В Киеве семь лучей, – хотя точно не помню – сколько в Киеве лучей – где-то ещё больше лучей, ну и что из того? Я про квадратные метры Парижа...²

² В этом абзаце и следующем идёт переключка с произведениями Патрика Модiano, который в 2014 году получил Нобелевскую премию в области литературы.

– Намёк понял. Неправильно спрашиваете, сударь. Модяну маскируешь...

– Зачем мне его маскировать. Я и читал-то всего ничего.

– Может и в Киеве не был?

– Как же не был, а с Коляшей был кто? А с Гантеличем после Полтавы? А Желтковского кто оттуда начал хоронить? В цинке везли, ты знаешь, он в гостинице всю стенку кровью забрызгал...

– Стой, стой, стой, – перебил Бим, – не надо печалиться. Тогда так: в границах большой черты, или в махонькой?

– Пусть пока в махонькой.

– В махонькой – хрен его знает, – сказал Бим, – маленький Париж – как весь наш большой Угадай – об этом у Ксаньки спроси, а если по большой черте, то больше. Наверное, раз в десять или двадцать. Сам-то как считаешь?

А я считаю так: перед домом правительства, перед Правосудием и на площади перед Нотр-Дамом не только мусора, даже простой бумажки от мороженого нет. Голубиный помёт не в счёт: птицам не прикажешь! Перед Дамом... – ха: – Нотр-Бабом ещё скажите, а в Форуме, на Плато Бобуре и в Триумфальной арке можно. Просто у них такая карта заведена: где мусор уже пора вымести, а где пока подождёт. Там можно раз в неделю убирать. И будет ещё естественней. Хотя кидают бумажки каждый день. Где предел с критерием естественности?

Вчера, кстати, на счёт засорения улиц такой случай был. Заселились. Всё прекрасно. Даже в душ не пошли. Решили отужинать красиво и пива ихнего наконец-то отпить. Малёхи нет – блудит – а папе это – единственная отдушина для питья. Бим просто сорвался с места, словно и не уставал. А ныл всю дорогу от Лангра. Мы же промчали по Франции быстрее г-ла фон Рунштедта. Правда, в обратную сторону и не на танке.

Ну и вот. Только завернули за первый угол: бац! – уличное бистро.

Садимся. Сидим мы втроём... А Малёха куда-то по своим каналам пошёл шариться... А вечером его надо было в Амстердам отправить. Зачем? Папа так решил, а Малёхе это было край как нужно. И то верно. Что ему делать в Париже, если в Амстердаме все условия, а тут их нет вовсе.

«Фигов он найдет здесь траву: французский надо было учить, а не тренькать на драмм бэйсе своём». – Бим так и сказал утром слово в слово.

Сидим, сидим. Время идёт. Соседи давно уже своё выпили и расслабились. Мы им вроде бы пофигу. Может, веселятся в душе. Понаехали, типа, русские, вот и ждите теперь. Мы тоже якобы ждали, хоть и аборигены, и пьём тут каждый вечер.

А мы не турки понаехали. У нас три высших образования, если сложить. А ещё мы – великие практики, понастроили по всему миру, можем и у вас тут начудить... Хотите, нет? Не хотят. Короче, спецы архитектуры... ну и, конечно, кое-кто из нас – мастера слова. Тут, словом за слово, настоящие Эстеты во всех областях творчества с большой буквы. А что не во фраках, так то будет завтра – при вручении Притцкера, а вы сами в чём попало сидите. А мы сидим – трещим. А просто хотим так. Доброжелательно трещим. Каждый о своём трещим. Только о хорошем трещим. И ещё о том потрескиваем – какие мы, мол, все молодцы: приехали в срок, по Парижу не блукавили – подъехали ровно в точку – и так далее. Пиво любим, да. Высокому эстетству это не мешает, да. Все волосатые хоть раз, да пивка выпили. А когда нажрут, то все одинаковые, хоть эстет, хоть бандюган, хоть баба. Пусть даже не баба, а звезда шоу-бизнеса. Ей ещё интересней безобразить, ибо за ней следуют папараци. Револьверов и ножей у нас нет. Если подумали, что мы всё дома оставили, то так и есть: взяли мы в дорогу только столовые ножи и вилки. Револьверов в жизни не держали. Только топоры... Топор современному русскому это не просто раздражитель, а сигнал «фас». И пришло из Древней Руси, а, может, даже и раньше. Но не убивали, а только игриво

гонялись друг за дружкой, метились, кидали, но попадали отчего-то в кедровые стволы, а не в игроков. Не отказываемся мы от пивной отравы – растлительницы всей нашей молодёжи. Ксаньку жалею: он же за рулём. Но вы его не знаете пока, господа парижане. Узнаете после Притцкера. А он – наш знаменитый Ксан Иванович – Вечный Шофёр. Не один Дакар брал! А если не брал, то возьмёт. Если захочет. Но не хочет. И ещё он – лучший в мире двигатель туристической мысли. Узнаете всех, никуда не денетесь! Можете заранее щёлкнуть... Особенно вот вы, мадама! А мы вас. Шлёпнем. Понимаете разницу? Ха-ха-ха. Понимает. И желает. Когда это случится. Случится, случится, не беспокойтесь. Да хоть щас, пусть только эти-вот отвернутся...

Итак, на улице сидим и по сторонам зыркаем. Нету меню, и нету официанта. Дамы и джентльмены (настоящие!) кругом. Ждём. Пива нет и, если с такой скоростью так дальше пойдёт, то и не предвидится. Крутим башками за официантом, будто он Дэвид Бекхэм или ходячее Ухо Ван Гога. Подзываем. Ксаня что-то по-английски напел, по руке с улыбкой ласково так постучал, там, где у нормальных людей обычно часики бывают.

– Ага, – сказал официант.

– Гут, гут, отлично, – это мы, естественно, говорим уже по-французски.

Бим у нас – переводчик. Он несколько самых важных слов знает: месье, мадемуазель, мерси. И всё. Мерси у Бима – слово волшебное. Оно заменяет все остальные слова. Хотя ещё, кажется, пардон знал и миль пардон. Ага, ещё *бонжур* и *эскюзми* вспоминал, но часто забывал в каком порядке и в каком случае эти слова использовать.

– Кирюха, – он щёлкает пальцами при этом... – Кирюха, ну как это, по-ихнему, ну типа доброе утро, здарсьте, до свиданья, пока (покамест – это другое) и спасибо.

Он их путал. Говорил невпопад. Вместо спасибо доброго утра желал. А уже день. Какое тут доброе утро, если солнце затылки жжёт. Китайцы – тоже мне маргиналы – вместо «здарсьте» спрашивают: «а вы уже покушали?»

Кульť еды у них, вот они и повёрнутые на этот предмет. Расшифровывал и отделял одно от другого я ему не один раз. Даже надоело.

– Говори всем мерси с эскюзми и похрену. Нас тут никто не знает, потому и прикарабываться не будут. Какое им дело, что мы – идиоты. Идиот, да идиот. Идиот он должен всегда извиняться и спасибо говорить. Что тут такого волшебного? В Париже таких болванов пруд пруди.

Опять сидим, сидим, опять ждём, ждём.

– Ща-ща, – говорит официант на ихнем языке.

Ещё сидим. Уже сердимся. И тут он пиво приносит. Мы: «спасибо,», а многоточия вместо дополнительных слов чувствуются сильнее любого «спасибо».

«БлѢ последнюю» и «суку такую» вместо четвёртой-шестой группы точек держим в уме, а лица насупленные, злые, будто у себя на Осеньке.

Наших «сук и продажных эрзац-девочек» ему насквозь видно. Но в глаз не даст. Мы же вслух не произносили. Да, там тоже не торопятся с клиентами. Не то, чтобы ненавидят, но и не потакают дурным клиентским привычкам: типа если ты припёрся, то ты король, и перед тобой теперь на цыпочках ходи.

Пьём, дальше молчим, других тем будто уж и нет: расстроились с такого обращения. А это, промежду тем, показатель дружелюбности и цивилизованности народа в целом. А у них по-другому: приехали в гости – живите по нашим законам. Это правильно.

А в уме жжёт: русскость виновата наша, или что? А мы ведь ещё трезвёхоньки! Или он со всеми так. Может эти, что рядом, тоже столько же ждали. А сейчас им уже хорошо, и вообще они уже привыкли, и им пофигу. Может сами, если в другом магазине или в другом кафе работают, ещё хуже медлят. Пришли, времечко тикает, а они не торопятся, читают газетки, бабёнки мундштучками потукивают, глазки красят, любят себя, других рас-

смаatrивают. Ни одной негритянки рядом, а нам обещали на каждом шагу по негритянке. Бим очень хочет сегодня негритянку, и даже лишнюю банкнотку по этому поводу с собой взял.

9

Paris, Париж! Может Парис надо говорить. Там же «S» в конце, а не «Ж». Не понимать. Нихт ферштее! Мы, хоть и не немцы, а курить тоже хотим. Пепельницы нету. Лапша уже с сигарет свесилась. Всё равно нету пепельницы. Официант мимо пробегает: мол, ан – анус – жопа: – ну, некогда ему, и рукой по горлу. Занят он чрезвычайно. Он, видите ли, разносики разношивает. Показывает: вы пепел на улицу стряхивайте, это не страшно. Все, мол, так делают. А мы: нет, нет, мы культурные люди, мы издалека не за этим ехали, четырнадцать тысяч километров на счётчике, нам поэтому пепельницу давайте. А мы у самого бордюра сидим, и прохожие через нас перешагивают. А мы им в ноги пепел – трясь, трясь. Бычки образовались в кулаке. Надоело. Неудобно.

Тут я придумал, вернее, вспомнил, как у нас в Молвушке делают: тушу я бычок об торец столика – а торец металлический – и ставлю его торчком на стол. Стол вроде бы из пластмассы. Об него тушить – греха не обернёшься.

Бим говорит:

– Гут, Кирюха. Молодец.

И своего ужасного быка таким же манером – хрясь. Стоят бычки, не падают. Бим им пальцем грозит: – Стоять, бляди!

– Может, трубку покурим? – вспомнил кто-то.

– В обед покурим.

– Рано ещё трубки курить, – сказал я, – мы тут быстро. Не надолго то есть: раскурить не успеешь, как уходить пора.

Ксая говорит: так нельзя, мол, с бычками поступать: раскуривайте немедленно трубку, а я вас при таком раскладе тогда подожду.

А потом думал-думал, думал-думал, да после третьей думы чисто по-бабски очканул. Обоссался то есть и целовать сандалии полез: «И мне, говорит, оставьте курнуть. Я тоже, мол, хочу. Он, видите ли, тоже человек». А мы посмеиваемся: «Держи в руке, – говорим, – свою пожелалку, а бычки в ширинку складывай».

Салфеток для бычков, вестимо, тоже нет.

А гостиница наша за углом в трёх шагах. Ксан Иваныч на этом основании говорит: «Стыдно». Увидят, мол, наши из гостиницы, – кто это, блин, наши, что за наши, тут нет наших – тут все чужие... Нет, считает Ксан Иваныч, вот эти чужие наши и опарафинят. Именно опарафинят, а не пожурят, или сделают вид, что не заметили, а сами заметят и расскажут другим нашим хотельным чужим, и ещё посмеются под вечернее вино: на пятом этаже русские живут, взгляните в них внимательней: они – ослы, грязнули, и трусы всей неумытой гурьбой вывешивают в окне.

И с французскими бабами, – мамзелями, если точнее, – нам тогда грозит полный облом.

Мог бы сказать и круче. А нас будто там ждут – не дождутся: русские ебаря, бл'ь, понаехали, – в очередь, в очередь. Ага, ждут нас там! Заждались уже. Кисок перед зеркалом глядят... Другая рука на утюге. Под утюгом – трусики со спецдыркой и клапаном.

...А мы с Бимом не слушаемся Сашу и одну за другой: – хрясь бычка на торчок, хрясь, хрясь другого, следующего. Курим подряд одну за другой. Образовался лес таких бычков.

– Сосновый бор, – говорит Бим, – экологический паблик-арт.

– Родное. – Так коротко и точно сказал я, не привирая ни в одном слове. Могу найти точное и ёмкое выражение, хотя всего лишь провинциал. Но: талант. Хоть и провинциальный.

Ксан Иваныч – насупленный и в самом деле в карман бычки складывает. Мог бы и в кошелёк, в самый важный отсек. Мы посмеиваемся: «Да что ты, Ксаня, – дескать-мол, – олух ты небожительный».

Ксаню прорвало: «А идите вы все в жопу». Так и сказал, даже особо не матерясь, – он же в гостях у дружественной ему страны. Дальше можно не ходить: можно обломиться. Потом нахмурился больше, дёрнулся, покраснел, и весь свой набор из кармана и выставил. Стало два бора и один кедровый лес.

Пиво закончилось. Ещё попросили, подождали – принесли ещё. Весь стол уже в стоящих бычках. Тайга, блин, уже, бурелом, а не лес!

– Нам счёт, пожалуйста, месье, – сказал Ксаня.

– Это гарсон, а не мосье, – поправил Бим.

Ксан Иваныч даже не улыбнулся, хотя всё пиво выпил и ещё вдобавок расхвалил. Пиво как пиво. Лучше б красного вина попросил. Ждём. Приходит. Рассчитались. Ксаня показывает ему: бычки куда? Типа нам неудобно, мол. Мы, мол, – чистюли.

Официант ухмыльнулся, глянул по сторонам, и рукой – хлесть! – и все бычки на проезжей части.

– Это потому, что дорога – не их территория, – догадался Ксан Иваныч.

– Их территория только до бордюра, – уточнил Бим.

– А там уже федералы, федеральевая земля, – сказал я. Не подумав, ляпнул. Лишь бы что-нибудь молвить.

– Федералы! Тут муниципалитет, а не федералы. И не путать с кантоном, – поправил Ксан Иваныч.

Кантон – гондон почти – и я принялся надрывать живот.

А Ксан Иваныч юмора не понял и продолжил.

А Бим понял, но тему не подхватил.

– Красная линия проходит по бордюру, – рассказывает Ксан Иваныч, он же архитектор, – А что? а правильно делают. Если у них такое правило – сорить, то сорить надо на чужой территории, а не на своей. У них межевание чётче, чем у нас. У нас по тротуару до ближайшего газона, а у них по бордюру дороги.

И совсем будто нестати так заявляет, а я-то знаю почему: «Завтра с утра идём на Мон-мартр. Знаменитую гору смотреть будем».

– А что это? Как переводится? Неужто Гора Большого Мусора?

– Район такой. В виде горы. Просто гора, а на ней Сан-Крекёр.

Мы с Бимом насторожились:

– Где эта гора? Что за санкрекёр? Пирожные, печенюшки?

Заколебал своей эксклюзивной едой. И так в каждой стране. А их было девять подряд. Есть заставит свой санкрекёр.

– Это рядом, – сказал Ксан Иваныч, – от гостиницы рядом. На северо-запад надо идти. Я там был в прошлую поездку (где только Ксан Иваныч не бывал!), я всё тут знаю.

– Так, может, тогда уже не пойдёшь? Зачем два раза ходить. Мы одни сходим.

– Пойду... хоть лестницы туда ведут крутые. У меня, понимаете ли, сердце.

– И у меня сердце, – пожаловался Бим. – А автомобили как туда ездют?

– Для них – для жителей – крутые улицы. И для машин также – серпантином они. Вот и пойдём по этим серпантинам на художников смотреть... И молчать!

– Что? – взвились мы.

– Это такой план, – рыкнул Ксан Иваныч, – план есть такой. Утверждённый план. Есть. Да, есть уже. Я вчера всё за всех продумал.

Надо же – выдумщик какой, – с вечера за нас планы продумывать!

– Мы твой план не согласовывали, – сказали мы с Бимом почти один в один.

Ксан Иваныч вляпил в нас рентген. Был бы пистолет, пистолетом бы причудливо пригрозил.

Двое послушно сжались.

Ксан Иваныч расправил огромные, по-интеллигентному слегка ожиренные рамены свои.

– По фотографиям я бы и не подумал, что Монпарнас на горе, – сказал я.

– Монмартр! – крикнул Ксан Иваныч, – молчите уж... ну что за тупые... волосатые. Люди... блинЪ... Буркнул в себя, добивая: «Мнят себя архитекторами, а...»

– А не Монблан? – вдогонку, когда уже и так всё было ясным, как божий день, дурканул обосранный провинциальный волосатик Порфирий Сергеевич Бим-Нетотов.

– Ну, молчите, а? Ну, право, что за идиотов привёз, – возмущается настоящий звездатый и умнящий архитектор по имени Ксан Иваныч Клинов.

Мы пожали плечами. Привёз, так терпи. Уже и кураж что-ли запрещён?!

Вот так, в общем. Задумайтесь, русские граждане, над проблемой мусора, а особенно: с кем едешь на отдых! Мусор можно превратить в яркую туристическую особенность и смеяться над этим, а вот с кем едешь – это трудно поправляемая проблема!

10

Короче, с Бимом мы договорились так: курить будем исключительно в окно, а не в помещении. Бычки складывать на карниз, – там щель глубокая – не выдует, – а перед отъездом соберём всю эту кучку, – сколько там? Ого, уже пачка растыкана, и всё, заметьте, – Порфирий, ты засёк? – ещё родное, из России: Винстон и Бимовские Нексте... и выкинем, как полагается, в урну. Урна в туалете. Туалет там – это не просто туалет, а целая комната со своим окошком и приличным холльцем... Во! Холльц приплёлся! Где сейчас этот Холльц? В Молвушке. Пиво допивает и скоро спать пойдёт. А мы тут. А он там. А мы ещё не пили с утра. Какие молодцы. А вот сегодня по культурному попробуем догнать упущенное...

Нет же! Бим всю нашу утреннюю культуру попортил: он полез в авоськи и плотнул из своего запаса.

...Вчера было так цивилизованно, потому что неожиданно для всех мало. Но для сна это полезно. Не надо вскакивать в туалет и будить друзей шлёпаньем тапками.

Тапки в гостинице есть.

– А неплохо бы тапки с собой забрать. – Это размечтался Бим. – Я в тапках на Эйфеля пойду.

– А бревно-то твоё типа Пень в багажнике, а машина в гараже, – напомнил я.

– Э-з-э, – протянул Бим, – Ксань, а пойдём сначала в... – И не успел сказать, как...

...Как Ксан Иваныч сразу всё понял, вскочил со стула и взъерошился: «Никаких брёвен! Ради твоего бревна в гараж не попрусь».

Вот те, называется, и друг. Бим тыщи километров бревно вёз, он живой, он его друг Пень, а в самом Париже его и «прокатили». И кто прокатил? Сам Клинов Ксан Иваныч. Лучший друг Бима! Вот же чёрт, как вышло!

– А я тогда не пойду на Эйфеля, – обиделся Бим, надеясь нас разжалобить, – что я там без Пня и валенок буду делать?

Но, попёрся. Но не в валенках, и не в тапках. Забыл перед походом одеть, или лень было подниматься в номер, хотя в отеле был лифт.

Его сандалии уже грязные и всегда трут ноги, хотя и растоптанные, а тут абсолютно мягкая, белоснежная бязь! И нет хозяйской надпечатки.

– Можно брать, – говорят в некоторых гостиницах, – за них вы уплатили, а реклама по миру пойдёт.

Будто за халявными тапками в Париж теперь всё рванут.

Бим, перед тем, как зашмыгнуть в гостиничную дверь, заглянул за угол, ворвался в магазин, растолкал прилавочный народ, и купил себе литр пива. Это меньше его часового минимума. Все аж удивились экономии.

Я решил, что у Бима стал заканчиваться суточный евровый паёк.

– Это мне на утро, – примиренчески сказал он, – в «швинский» стол такого добра не включают.

Точно, не включили в шведский стол пива. Но: за отдельную плату было и пиво, и вино, и прочие напитки.

ПЛЮС ПАРИЖУ!

Запишем плюсик в блокнот.

II

Итак, Бим всегда спит голым. 1/2 Эктов про это уже писал. Кажется, роман называется «За гвоздями в Европу»... Хотя, блин, какой это роман – так себе солянка и обман зрения. Все в Угадайке плюют на этот роман... Пазлы какие-то... рваные, и читают его только потому, что меня знает полгорода и им любопытно, каким образом я там «ссу на Мрассу», и какого размера у меня член. Я тоже эти пазлы – надо же слово такое придумать – от слова пё... да ладно уж, – просто читал. (Чёрт, эту фразу с «пё...» чистоплюи тоже припомнят.) От корки до корки и несколько раз причём. Искал ложь и карандашом подчёркивал преувеличения. Конечно, там есть частица правды, потому что я ему – тому 1/2 Эктову подробно рассказывал, включая способ прикрепления палатки к земле гвоздями, но не пригодился вариант, ибо палатку так и не раскинули ни разу. А он, сволочь, или кто он там, записывал всё в свой грёбаный диктофон. С членом он приврал. Член как член, ничего особенного в нем нет. Я про член вообще ничего не диктовал. Всё это чистой воды выдумка из говняного его пальца. Про механическую сочинительницу ДЖУ-1, вбитую в джипис, обнародовал только в Париже и только своему ближайшему другу. Бим удивился, и будто бы поверил. А на самом деле неоднократно проверял, стуча втихаря по коробке со всех сторон и ища нужную кнопку.

Феров ему! Секретик заключался не в кнопке, а в комбинации кнопок.

Испорченный он, и гнусный тип, этот 1/2Эктов. Разве что не голубой; но ему до этого голубого только один шаг сделать. Спрошу как-нибудь при встрече честно. И объясню, что мне лучше видно, какой у меня член. Член у меня родной и мною горячо любимый, особенно по утрам, когда с просыпа встаёт, а там у него в книжонке – бумажный и приукрашенный. Вроде главного героя. Будто бы он мной руководил, а не моя умнящая голова с термопарой... Нет, механический сочинитель – вот это настоящая вещь. Опасная для мира вещь. Хуже бабы. Хуже вулкана, если каждому писателю дать. Да что писателю: дай обывателю наиобыкновеннейшему, возмнившему и что? А что? Пи, пи, пи и... и здец литературе! Нельзя ходить с голыми пятками – правило вулканических прогулок. Не догоняю возможностей.

– Медь, железо, газ. Возгонка. Тыща градусов. Маска. Скафандр. Венера. Застряли. Запах палёного. Образование новых минералов...

– Чаво?

Тут же писк:

– Отвлеклись. Ездец, 3,1415, π, Никарахуя, пи-пи-пи, золото, жилы, платина, текут, пи-пи-пи.

Бля-а-а! Щас сгорит.

Нет, недоработанная ещё штучка. Ща точно сгорит! Выключаю прибор. Он ещё и недоволен. Точно, баба он...

Потом 1/2Эктов приставал неоднократно: а как вот тут у вас было, а вот здесь это ты пёркнул, или это был Порфирий, или он изначально ослышался?

У него диктофон какой-то хлипкий, постоянно барахлит, а про Париж у него вообще все записи пропали. А Малёха, надо сказать честно, мои записи все прослушал – я ему скидывал всё в ноутбук – а потом, поняв, что там про него нет ни одного хорошего слова – а мы с Бимом про него немало правдивых слов сказали – всё вычистил, думая, что я забуду. А у меня память о-го-го! Даже Бим удивляется. А ларчик тут простой. Я гляжу на фотографии – а их немеряно – и тут же всё слово в слово будто оживает или просыпается. Инфраструктура мозга. Мозжечок, правая половинка, совместная работа, творчество, органы чувств, изображение...

Бим вспомнил о том, что мозг человека заполнен всего на пять процентов и то в основном лежит на дне, а если покопаться, то и найдёшь. А остальное как бы в оперативке – всё, что нужно ежедневно пользоваться. Для вскопки дна, то есть, чтобы поднять давнюю муть, для этого надо иметь только ключ, а вместо ключа существуют фотографии. Вот так-то вот.

Короче, я не стал Эктову повторно диктовать. Пусть обходится, как знает. Потому он на Мюнхене всё и закончил. Придумать-то с нуля нелегко, а память у него никудышная. Он, вообще-то так и сделал. Остановился на полпути. И никакой связи, никакого общего смысла. Одни намёки, слёзы, мат, завывания по собственной гениальности. Это так и есть на самом деле, только часто оно всё дремлет. Так часто, что пора бы гениальность засунуть в жопу, потереться сиренью, и... поделиться, кстати, должен был плодами гениальности. А бабки поровну поделить на четверых.

Хотя, что делать с Малёхой? Может на троих делить? В смысле: тоже, что ли, равную долю выделить, или пусть всей семьёй одной долей обходятся?

А если начать делить на техсовещании, то Ксаня сто процентов вперёд, что тоже завопит: «Малёха такой же член путешествия, как и мы, ему тоже полагаются роялти».

То да сё. А ещё: «Зачем его унижать, он хоть и молодой, а тоже свою долю в литературу внёс...»

Включите ещё мехсочинителя! Ему всяко половина. А это я! Я! Я! Остальное можно делить как хотите.

– Хотя, какая это литература, если с механикой! – скажете вы. – Так себе – воспоминалки. Мемуарная ветошь.

А ведь и за эту ветошь денег отвалили. Один чувак дал аванс. Накинулись издательства – началось с «Альтернативы», а потом подхватили другие, и отвалили деньжищ столько, что он тут же втрое увеличил квартиру. Сволочь этот 1/2Эков. Вся слава и позор ему, а нам хрен с редькой. – Поживайте как можете, граждане, а он, типа мол, уже закончил. А сюжет откуда? Разве не мы своей шкурой отрабатывали этот сюжет? А этот тем временем губил бумагу и наполнял гигабайтами компьютер. Да идёт он в... в далёкую Далёкку пусть идёт!

Спрашивает: а с бабами ты привирал, или это было на самом деле? Негритяночку имели, или нет? Он же не знает точно – что я делал с «тогушкой» – ну, негритянкой из Того, в туалете – жизнь я свою ей рассказывал на русском языке, или рылся в кошельке, чтобы полностью заплатить по прейскуранту.

А Бим что делал в номере целый день, пока я по Парижу один бродил и рисковал жизнью? Что, за живое взяло? Ага! Так я вот всё взял и на тарелочку перед ним выложил. Как же! Дождись! Бабки покажи, потом поговорим.

Короче, были у нас свои тайны, и никогда этому пол-Экову всего не узнать.

И так далее. Вранья в его книжке не пересчитать. Крокодилы какие-то. Какие, к черту, крокодилы в Париже!

Хотя кое-где славненько прописаны наши похождения. Местами я даже горд за себя, а Бима бы я прописал ещё больше. И всем он раздал по полной. Всё как есть, без особых прикрас. Хотя нет, преувеличил, будто в лупе... и подкрасил ярче. Это с его слов, а «похищнее» –

это моё определение, так оно вернее. Ксан Иваныч, дак тот сказал прямо: «Не буду я этот его грёбанный псевдороман читать, даже и не уговаривайте... и Малёхе своему запрещу».

Угадайкины полки валяются с такой тяжести книги.

Ага, запретит он! Войной пошла коса на камень.

Хотя сначала всё было ровно наоборот. Интересовались поначалу все. Даже я. Хотя, отвлёкся, с чего я начал?

...А-а, вот.

12

Собственно, ляжек у Бима нет. Поскольку и ноги у Бима – только одно название. Кряхтелки, а не ноги. Что это за ноги и мышцы у преимущественно сидящего человека, ежедневно пьющего пиво в неимоверном количестве, до полного усрача, когда к концу дня и эти, так называемые ноги уже не ходят, а переставляются по необходимости неупаденья.

Да, Бим поскорее хотел вернуться в гостиницу, чтобы наконец-то отдохнуть от невообразимых ежедневных гонок. Но сначала нужно было отдать дань Парижу и возложить к какому-нибудь серьёзному памятнику венок от Сибири.

А ещё он мечтал посидеть на Пеньке под Эйфелем, который он вёз с собой специально для этой цели, и сфотографироваться с ним в обнимку.

Бим за первый день прогулки облапил не один фонарный столб, пару раз намеревался блевануть в самых известных местах. На фотографиях этого вечера Бим выглядит расплывчатым облачком. Грех это фотографа или нечаянно сфотографированная параллельная Суть Бима, никто не знает.

На Пигали от Бима последовало первое предупреждение: если сейчас, – дескать, – не остановимся и не выпьем пива, то он блеванёт прямо на асфальт.

А в Париже асфальта больше, чем тротуарной плитки и булыжника. Так что многие мечтатели ошибаются, когда говорят, что хотят парижский булыжник потоптать. Его типа, мол, разные известные личности топтали, и они тоже хотят приобщиться к знаменитым следам.

Через полминуты у Мулен-Ружа (а это тоже на Пигали): «Я вижу лавку!» – орёт.

– Ну дак и что с того?

Снова: Вон там вон хорошая лавочка, дескать, на аллее пристроена. Если не передохнем чуть-чуть, дескать, то он дальше не пойдёт. Пугает: сами идите, мол, а он останется. Доберётся как-нибудь до дому сам. Это не из Сенегала шлёпать. Дался же этот Сенегал. Это что, страна? На берегу? Чего? Какой-такой лужи?

Мы с Ксан Иванычем звонко-серебряно переглянулись. И Ксан Иваныч от такого определения лукаво блеснул глазом, что означало: сейчас мы его (Бима) испытаем на прочность:

– А что, Сергеич, давай так поступим. Мы приехали сюда, чтобы посмотреть Париж, а не тебя в обнимку с бомжами, – а так оно и было, – а если ты будешь молить пива на каждом шагу и нас шантажировать, то мы Париж не посмотрим. Правильно, Кирюха?

Естественно, что я подтвердил.

– Так вот, если хочешь, – продолжил Клинов, – то оставайся тут и иди дальше своим ходом, пей своё пиво сколько влезет, а мы с Кирюхой пойдём по своему...

Ксания хотел рассказать про свой маршрут. Но Бим прервал его.

– Сосать! – громко выкрикнул он так, – а мы шли по зебре в этот момент, – что вся идущая толпа вскинулась на нас, как на идиотов, а девочка в юбчонке, что шла впереди, подскочила на месте, остановилась, обернулась и уставилась на Порфирия.

– Я требую от них продолжения разговора! – сказал Бим французской девочке и ткнул в нас пальцем. А девочка, видать, такая же горемыка-путешественница, что и мы, только женского рода, и, судя по миндальным глазам и верёвочной причёске, не русская.

Носительница дрэдов отвернулась, не пожелав ни малейшего сосания. Удостоила нас только беглым взглядом, фыркнула и не стала знакомиться с Бимом. Вынула молча свой фотоаппарат, презрительно – одним взглядом – на расстоянии оценила мой, и стала своим дорогим фотоаппаратом вертеть и обезьянничать перед другими, перед более пёстрыми людьми. Там куча бульварных фотографов собралась. А она вертит и вертит, будто профессионалка. Вот, мол, какой у меня агрегат – не то что ваши допотопные мыльницы.

Мы уже перешли и стали в ось бульвара.

– Я сейчас пофотографирую тут, а вы можете начинать переговоры. – Это сказал я. А товарищи отошли ругаться в сторонку, чтобы никто не мешал.

Делать нечего. Только лишь от безысходности я сфотографировал Мулен Руж снизу. Потом шмыгнул на проезжую часть. И, пока стояли и ждали машинки, успел снять с середины перекрёстка. Вернулся на аллею и поднял камеру над головой. Нацелился и снял с нижней точки, стараясь, чтобы в кадр максимально попало то, что можно было разглядеть под юбкой девчонки-обезьянки.

Она вычислила, что я занят не совсем достойным делом, и стала отмахиваться. Кыш, типа. Погрозила пальцем. Показала на полицейского: сейчас он тебя! вмешиваешься в частную жизнь, пристаёшь без моего согласия.

Я отмаячил, что всё, мол, нормально, достоинства не ущемляю, барон не барон, а делаю художественный снимок. Потом приблизился к ней, жестами пояснил – чего от неё хочу – её крупный план с фонарём – она согласилась, говорит – давай, но только один раз, а потом мотай отсюда. Я сфотал тихонько серию – в движении. Когда фотаешь один раз, как правило, объект моргает, а если семь подряд, то, братья-племянники, можно выбрать, хоть и с худшим качеством. Денег за съёмки не даю, но и, сознайтесь, не беру. Гордитесь, господа!

А она, девочка – типа в обмен – направила на меня свой аппарат, а я был на фоне мельницы.

Стены мельницы покрашены в малиновастенькое бордо – примерно так, как какой-то древний императорско-киевский юнкерский лицей, симулирующий перевязь драгуна или какого-то кренделя на коне.

– Так оно и было всегда с цветом, – говорят истинные аборигены.

А крылья ветряка вроде бы и не вертятся. А может, и вертятся, но только исключительным вечером. У них тоже экономия.

– Штаны снять? Я сниму. Хочешь? – спросил я девочку жестами. Если бы она сказала «да», то я, не смущаясь, тут же снял бы. Но она сказала «нет». Постеснялась, видишь ли. А когда я уходил, она повертела пальцем у головы и сказала, повергнув меня в шок, на слегка ломаном русском: «Такой пожилой, а этакий дурак».

Тут-то я прямо охнул.

– Ого, – думаю, – нарвался на русскую барышню с миндалём – видно восток в зачатии всё-таки поучаствовал, и в дворянских традициях воспитанную. Надо же, и сколь же их тут таких хитро перекрашенных? Щелкунчики!

Нужной колкости для мгновенного ответа не нашлось. Суд по правам человека эпизода не видел. Поди докажи!

Отошёл я. А кто запретит? Почём съёмка? А нипочём. У русских такое бесплатно, а вы тут чего изволили выдумать? Шесть тыщ долларов за кадр? Я же не журналист из Монда. А не пошли бы вы в Сорочи! К цыганам. К не таким, как все нормальные.

– А я русскую мамзелю видел, – сказал я друзьям попросту, не включив египетской ажитации. Естественно, что без Египта впечатления не произведя. Друзья были шибко заняты междоусобными разборками.

– Я тут Бима уговорил, – выдал Ксан Иваныч, проведя дипломатию, – он согласен пойти дальше, но только до первой пивной точки. Так договорились, и я согласился. Ты тоже, товарищ, соглашайся.

– И проституточек не забыть! – скромно, но уверенно добавил антигерой дня. Он в каждом городе Европы, где мы останавливались, хочет, извините, выибсти по одной аборигенке, но пока что-то всё не вытанцовывалось. А проехали уже полмаршрута.

– А ты с проститутками уже знакомился вон там.

Ксан Иваныч показал наискосок через перекрёсток, за вереск и каштаны, где мы совсем недавно проходили и глазели в стекла. Там Бим сфотографировался в витрине, где была нарисована удивительно красивая, просто удивительной скульптурности жопка – даже лучше, чем у моей молоденькой подружки – и фаворитки, немного модельки – Даши Футуриной. В кадре так и есть. Меня не видно, так как я уткнулся в фотоаппарат, наводя резкость на пустоту, а Бим, вертясь рядом, устроился практически правильно, и пропечатался в попе, в самом красивом месте попы, а попа – вау! – повторяю: каких ещё поискать.

Я так думаю, это была попа русской красавицы и модели.

Французские попы, не говоря уж про их... если ласково, то киски... короче, эти самые французские «киски» гораздо страшнее наших родных. Не верите, зайдите в Интернет. Там золотой крест торчит в жопе ужасной, хоть и юной монашенки и надпись по-французски: «Господь терпел и нам велел». Русские до такой крутизны безнравственности не догадываются. А волосня там такая свислая, будто в этом порномонастыре псевдомонашки с рождения не пользуются бритвой. Будто им там причёски на лобке специально выращивают для порнофотографии.

Действительно, что нашли в древнем с виду Порфирии проститутки – непонятно, но облепляли они его так густо, как мухи садятся на лучшее в мире гуано. Бим, если это прочтёт, – непременно обидится. А может, наоборот, возгордится. Бима в этом смысле понять сложно. Он будет прославляться на любой основе.

– Это были проститутки? А я и не понял, – расстроился Бим, – эх, проституточки мои, *лилитуточки*. – И шатнулся в сторону этих платных тварей, – мужики, я щас вернусь.

Хотя может быть они и не твари вовсе, а приличные девочки, студентки, или стервозы ибн Ливия, или просто такая выгодная работа: моё тело, что хочу, то с ним и делаю. Или французское правительство их специально собирает в этом месте для привлечения клиентуры. В эти заведения, стриптизы, шоу-балеты, фолибержеры разные, кабаре выстраиваются огромные очереди, аж начиная от третьих по счёту домов.

– Пойду с ними полюбезничаю, – добавил Бим к сказанному, уже на ходу. Качнулся и поддёрнул сумку ближе к телу.

– Стоять!

Теперь уже кричит Клинов. И снова толпа вперила глаза в нашу тургруппу.

– Порфирий, йёбс ж твою мать, – укоризненно и вежливо – если это про интонацию, а не про текст, продолжил Ксан Иваныч, – ты же, бельдюга такой, только что клялся в усталости, а сам опять... Вот зачем, блЪ, а? Зачем, блЪ, опять, блЪ, начинаешь?

Ксания нагрелся как спираль пятидесяти... нет, стапятидесятиваттной лампочки (была такая подружка у меня на потолке, быстро истлела, и бюджет сгорел) и Бим соответственно поднял руки вверх. Музыка из Щелкунчика, часть, где рыдают. Он сдался, он подчинился товариществу, покорился большинству и оттого возгордился. Музыка из Щелкунчика, где принц уже под ручку с девочкой, и мчит на снежинке невесть в какую родину с белыми лебедями, и все богатые, и не хотят никаких революций. Вражьи крысы побиты. Сплошной ля-мажор и вальс.

Анализатор мой молчал. И Сочинитель молчал. Они плакали в это время от счастья. И эту дурь в них втокнули, потом объединили. Оно не баба, он-она-оно – тупо сентимен-

тальная девчонка с цифровыми волосами, голубыми небесами и какими-то глазами! Он-она не увидел-ла постель-ли. О чём, девочка Лю-Ли, смеёшься? Это дело поправимо... кш-кш-кш... и ты отыщешь свою последнюю золотую монетку номиналом с полцарства за коня...

Даже из минусов можно сделать плюс. Для этого нужно заполнить два минуса и сконструировать из них крестик.

– Я так, я это... я для куражу. Вы же тоже куражитесь... иногда. Так? Мы сюда зачем ехали? Чтобы по струнке ходить?

– Я! Никогда! – грозноотреагировал Ксаня, – не жужжи: для куражу, жужужу. Блинс! Мы, щёлбана в лоб, в *чужой стране*!

Ксаня смертельно боится сочетания этих двух свида обыкновеннейших слов, взятых в курсив.

– А если ты в чужой стране, а мы в чужой стране, и если так будешь себя вести, то гуляй один, а нам твоя дальнейшая жизнь не интересна. Не хватало, чтобы мы *тоби* из *полицайи* вытаскивали.

Генерал наш успевает по ходу фразы шутковать языком. Литературно подкован. Кое-когда покруче будет самого пол-Эктова.

Бим уткнул голову в асфальт, как страус в песок: он, кажется, просто посмеивался над Ксашиной горячностью и его надуманными страхами. Биму везде хорошо, особенно, если он с наполненным бурдюком. С пивом он герой. Без пива – беспомощный, бедный, обиженный судьбой ребёнок.

Он поддел сандалией бумажку.

– Ты же сам грозился, – продолжил Ксан Иванныч, проследив траекторию бумажкиного полёта, это мгновенно навело его на мысль о воздухоплавании, – вот ты вот так: приеду, мол, в Париж, беру билет на самолёт и уезжаю нахер. Говорил так? Вспоминай, говорил?

– Ну, говорил. Только не на хер, а по-женски... в пим дырявый, плиз...

– Правильно, говорил в Праге, и в Люцерне говорил, и в Карловых Варах заявлял, и в Регенсбурге...

– А мы разве были в Регенсбурге? – это подшутил Бим.

– Пошёл в свой продранный валенок! – Ксаня не удостоил просранный так же, как Карловы Вары, Регенсбург и прямой вопрос Бима вниманием, – в Мюнхене дак вообще запоносил. Кого? Нас хотел испугать? На колени поставить, шантажировать вздумал? Вот подумай, может, та самая пора пришла? А нам с Кирюхой пофиг. Правильно, Кирюха?

Ксаня повернулся ко мне, а я пожал плечами и ухмыльнулся: что мне – предоставляется выбор с кем ссориться, а кому жопу подлизать?

– Короче, покупай самолёт и уйобывай в свою Россию... – сказал Ксаня Биму, не дождавшись от меня ни ответа, ни поддержки, ни нейтрального приветя. И добавил: «в Обдель-Насер свой».

И сам испугался своих же на самом деле вполне оригинальных новогеографических слов. Зачем тогда обострял?

Ксан Иванныч наконец онемел и плюнул в сторону Булонского леса, то есть на северо-запад, двадцать часов тридцать минут по джиписэу: «Вот! Я кончил».

И я кончил.

Да, кончил. Но, не в Булонском лесу. Петуху и быку. Но, не в этом король-э-встве. Полный животный минор! Лады-ы-ы! Кому-у-у воды. Моё почтение!

Я кончил считать – сколько раз Ксаня пошлёт в Обдель-Насер Бима.

Получилось десять Обдель-Насеров, а ещё пять раз послали в италград Пизу...

Все десять мужских и пять женских органов я пропускаю – достаточно раза – потому что это об одном и том же, только на разный лад.

Ксан Иваныч просто не умеет компактно оформлять свои мысли. Потому, что он категорический поэт архитектуры и славный, по большому счёту, человек.

И заранее знает, что если даже в усмерть перессорится с Бимом, и что, если бы у него в этот момент было бы двустольное ружье на два патрона зараз, то он всадил бы в Бима шесть потенциально возможных пуль, не брезгуя каждый раз перезаряжаться и клацать затвором, а потом – по окончании содержимого патронташа (большая часть пуль выпущена по пустым бутылкам и ни одной утицы не пострадало), то стукнул бы ещё прикладом, чтобы не видеть эту проклятую рожу, то...

...То не пройдёт и десяти дней, как он снова будет целоваться с Бимом, пить по вечерам с ним пиво и виски с коньяком в пропорции 1/1, проигрывать в макайском казино деньги и строить планы на совместную поездку в следующем сезоне в Нью-Йорк с продолжением пьянств на юкатанских пастбищах с посещением майянцев, отоми, ленка, ну (племя такое, а не просто ну), с пересечением экватора и знакомства с тапуйя, пуэлье, и... словом, на что хватит бабла и в помощь Кирьяну Егоровичу, мечтающему разгадать тайну Наски и отколупнуть кусочек от золотого запаса инков на дне Титикаки и в тоннелях под Макчу-Пикчу, а это все сто процентов, то и...

...То и вообще он любит не золото, а Бима. И прощает все его недостатки и...

...И, если Бим был бы женщиной, то он женился бы на Биме, как только бы узнал эту половую тонкость. Но Бим никоим образом не поддавался на фантазийные провокации Ксан Иваныча.

А если бы у Бима было бы золото, то он ещё больше полюбил бы Бима. А, поскольку золота у Бима нет и не будет, то он бесплатно любит Бима и...

Тут у меня проявились слёзы, потому, что я сам люблю Ксаню, хоть Ксаня и не девочка. А зря: постель мы уже делили. То на троих, то на двоих.

Ха-ха-ха: я представил, как читатель тут поморщился. Спешу успокоить: никто из нас не пидор! Вы же так подумали в самом начале? Успокойтесь, моногамные, трижды порядочные, безгрешные и независимые, лучшие в мире, иммунно защищённые, монголотоптаные да недотоптаные, правильные русские граждане и домохозяйки.

Я люблю Бима без золотого запаса со всем его ничего не стоящим поносом.

И защищаю.

И, идя рядом, или как на минном поле большого Парижа – след в след, оберегаю его в пьяном виде, разнимаю с фонарями и с полицейскими, с оградами, лавками.

Я отдираю его от мусорных контейнеров, поднимаю с газонов, бордюров, перетаскиваю через шлагбаумы, стаскиваю с рельс, мирю с... и перевожу, как могу, болтовню с бомжами, знакомя с девками, оттаскиваю от малолеток, ищу для него туалеты, стою на стрёме в обоссываемых им углах, слежу за маршрутом, как настоящий гид или Катька-навигаторша, раскуриваю для него его же трубки, ношу его сумки с пивом для утра и...

– ...А в трезвом виде лучше Бима нет человека. – Так бы я сказал врагам Бима.

А вот и Бим опять.

– Ладно, Ксаня, успокойся, – сказал Бим, – будем делать по плану. Главное – не волнуйся. Ты нам брат или кто?

Ксан Иваныч не ответил брату, озадачился на «кто», словом серьёзно озаботился своим местом в коллективе. – Может, и брат.

И мы, может, – его, конечно, братья, но не самые родные и не самые вежливые и не самые отзывчивые и тонкие... А сколько раз мы оставляли Иваныча с сынишкой, Малёхой то есть, наедине! Иваныч этого нам до сих пор простить не может... С другой стороны мы – верные друг другу, и плывём в одной рваной резиновой лодчонке, и вычерпываем, вычерпываем, и всё, блин, не тонем. И только потому, что держимся за руки... Спасение утопающих – дело совместное, – вот бы я как повернул советский завет.

– Сейчас по твоему плану станем жить, Ксан Иванович. Кирюха, тебе нравится его план?

Противный Бим тут открыто лизоблюдничает, но... кошке любое молочко приятно, особенно если до того напирать ей морду.

– Мне нравится не наш план, а мне вообще просто нравится в Париже, – сказал я в отместку всем, – пойдёмте уж, пойдём туда, где мы ещё не были.

А не были мы во многих местах. Таких мест, где мы не были, было в сотню раз больше, чем тех, которые мы посетили, сфотографировали и ощупали.

Стоит ли говорить, что Бим по дороге домой нажрался, хотя внешне пили вроде бы поровну. Но Бим иногда отлучался на сторону.

Отлучался он ровно настолько, чтобы замахнуть кружак.

Так быстро, как Бим, пить никто не может. Даже Ксая. И приметить все Бимовские отлучки – это всё равно, что рыбу в мутной воде разглядеть и поймать её щепоткой.

Пока мы снимали красоты Парижа, Бим – под видом посмотреть красоты в другом месте – плавал вразмашку до магазинов. И, надо же! находил там с ними – бог мой, разве это возможно – общий язык.

У Бима есть козырь и ключ: «Бир!!!»

BIR – простое, красивое, короткое, ясное слово в любой стране! Улыбка, пьяная непосредственность, замашки колпачкового шута – и незнакомый человек хоть в фуражке, хоть лысый, на некоторое, правда на короткое время становился лучшим другом Бима, и согласен был ехать с Бимом в Россию, чтобы познакомиться с родней и блядьми Бима. Последними Бим делился без зазрения и угрызений, будто остатками от праздничного торта, который всё равно одному уже не съесть.

13

...В Люксембургском саду у нас уже было красное вино и открытая банка с маринованной селёдкой, которую мы везли аж с Плато Дефанса, изредка вылавливая отдельных особей за хвостики и глотая их особенным волендамским способом. Потому нас принимали за голландских идиотов и не били в морду. Так как соседей не принято бить.

А ближайший туалет был за ближайшим каштаном на газоне. Интересно, тут были слеживые камеры, или нет?

На воротах и по центральным аллеям точно были, а что специально на русских нужно ставить камеры – ещё и между деревьями – французам невдомёк, потому как они люди порядочные и ко всем извращениям русо туристо не приспособились.

И мы самые последние, абсолютно неарестованными, не закованными в кандалы и наручники, тихо, будто шептуны, выпущенные из прекрасного лона Карменситы, смиренно выслушав все инструкции охранника-полицейского Паралиса, по очереди будем уходить из славного Люксембургского сада. И даже не удосужимся пройти для просмотра дальнего конца.

Что прекрасного и достопримечательного можно узреть в перспективной дали крошечно-ладошечного – нехай знаменитого – Люксембургского сада? Как что, а вдруг тут флажировал когда-то Казанова? Как этот великий плут, мошенник, любовник всего, что движется и имеет по две сиськи, как смог он не заметить всех прелестей Люксембургского сада? Что, тяжело ему было на время покинуть свою грёбаную и разящую йодом Венецию...

– Бим, кто был раньше, Казанова, Венеция, или Люксембургский сад?

– Почём я знаю, – сказал Бим, – а зачем тебе это?

– Хватит фросю пороть, – прикрикнул генерал, – вон нам ваш Паралис уже намекнул, что наше русское время уже вышло. Ни одного иностранного человека в саду уже нет. Все нормальные туристы по ихнему европейскому времени живут.

Мы посмотрели по сторонам, взглянули в небо. Что за чёрт! Ещё светло, а сад уже под замок запирают. Чего там охранять?

Ксан Иваныч выскребся первым и ждал нас с Бимом на выходе, опершись о решётчатую ограду, и поглядывал на свои грёбанные часы, купленные в европейском Люцерне за шенгенские бабки. Мы с Бимом окропили куст можжевельника тёплым – с винной пенкой, и выползли в мир тоже: «Спасибо, стражник Паралис, за твою нарошную слепоту».

Зачем Ксан Иваныч нас сюда привёл? Зачем вставил в свой план? Лучше бы сводил в Сорбонну. Там промелькнули симпотные развалины древней часовенки и, может, именно отсюда начинали своё плавание студенты-ваганты.

Вообще, Люксембургский сад – это так себе – одно звучное название, за которым стандарт и пустота. Деревья как везде, песок и гравий как везде – могли бы и плиточку разложить – но нет, парижане оставили сад в неприкосновенности, в таком виде, в каком он был тогда. А когда было это тогда, знают только сами парижане, если они, конечно, послушные, с записными книжонками и ведомые экскурсоводом.

А вино в этом саду не принято пить. Тем более – раскладывать селёдку по лавкам и из салфеток изображать тарелки. Мы были, вероятно, первыми в мире, кто, наплюя на вывешенные запрещения, расположился на скамейках знаменитого этого сада со своим, правда, французским вином. И жуткая гордость оттого распирает. Мы неплохо зашифровались. Ни один надзирающий не смог, или не захотел нас поймать на преступлении против нравственности.

Поссать в знаменитом месте и не пойматься – тоже повод для радости.

Во всяком случае, именно это простейшее действие в цивилизованном мире даёт тебе основные баллы, с которых твои нормальные, и даже культурные, в принципе, товарищи не только больше всего смеются, но, на основании этого считают тебя не зря съездившим за границу.

Может, посмеивались жандармы, охранники, глядя в мониторчики, но не подходили. Или заискивающе или как-нибудь по-другому поглядывали издали, притворяясь, будто сор метут швабёрками: зачем им лишние проблемы с этими идиотами русскими?

А скульптурки там, как и везде по всей Европе: Апполончики, Амурчики, Психейчики, королики разные, герцогиньки с принцессками, фавориточки с пидорасиками под ручку.

Хоть бы музыку включили. Но, нет ничего. Зайчиков нет, кузнечиков нет, птичек тоже нет.

Словом, соловейчики и прочая живность – по причине присутствия шумных и выпивающих русских вроде нас – в Парижиках не водятся. Есть белочки – так разве это дикие животные? Это просто котики своего рода, которые питаются орешками, брезгают помойками и могут фланировать с ветки на ветку, и носиться между деревьями, распушая хвост.

14

На шикарных ступенях Дефанса, ведущих в небо, также раскладывались то же красное домашне-французское вино и та же селёдка; но то было с дождливого утра, когда банка была ещё полной и мокрые хвосты свисали с краёв.

Там Бим с Сашей почти что целовались взасос и объяснялись друг другу в вечной дружбе. Бим скалил в облака знаменитые свои жёлтые зубы, Клинов дурацки хохотал, странно улыбался и подмигивал облакам, которые готовы были всплакнуть дождиком от умиления.

А я их фотографировал и находил декорации великолепными, а сцену поэтичной.

Кадры были, действительно, классными, и потому – по приезду на родину – немедля попали в Интернет.

15

Это была наша вторая точка – из важных, нужных и гордых – в Париже.

Но за толерантностью и... как это... когда всё по порядку... забыл... а-а-а, хронология, мать её ити, такой цели у меня нет.

Как бы краткий журналистский отчёт. 1/2Эктов тут бы развёз на новый роман. А так мы быстренько пробежались, отметились пивком и мигом ускользнули в следующую главу. Или в повесть. Или туда, где нам Варвара Тимофеевна успела намекнуть, что кроме Лувра и Египта есть ещё другие пирамиды, причём даже белые и с алмазами на вершине. И где они есть? Кто бы мог подумать! А стоят они в самом что ни на есть центре Сибири, почти там, где мы живём. Называется эта местность... Да, ладно с этой местностью! Ладно, что девятнадцатый век, перед самой революцией. Охрен, охрен! Нет, всё-таки назову этот уголок: «Таёжный Притон».

Вот так название! Не ошибка ли? Может «затон»?

И прозвучало оно громом небесным в Лувре, в самом великолепном Лувре, где раньше, кроме вшей и тараканов, жили короли и трахали в мансардах и за статушками фрейлин с подлинными фамилиями.

В Лувре, где вокруг новёхонькой пирамиды налита вода, где вечерами солнце бросает на стёкла и структуры такие фотографические спецэффекты, что даже сам Пей не предполагал этого.

Пей, Пей, просто пей.

Пей, пой и мочи ноги в бассейне, загляни в пирамидку, найди там память о Дэне Брауне...

Что он там закопал? Память о святом Граале?

16

А под кладбищем если что: под кладбищем – то, что мелькнуло в начале, – Бим понимает Париж.

«Европа – это кладбище истории» – сказал какой-то умный человек, а Париж – это кладбище кладбищ.

Бим в эту формулу свято верит.

17

В Центре Жоржа Помпиду никто из нас ничего не пил. Это удивительно, и тянет на масонскую медаль.

Бим, заложив руки за спину, оглядел окрестности, сфоткался со старым англичанином без имени, пощупал трубы и конструкции Центра и, сказав одно-единственное слово, – «шкилет!» – пошёл глядеть на кинетические скульптуры Жана Тэнгли в бассейне Стравинского.

И, вроде бы, швырял в скульптурок сигаретами. И, вроде бы, даже попал в железную плавающую шляпу.

– Ух, ты, – сказал он, – наконец-то что-то полезное в Париже увидел.

18

Боже, как я люблю Францию! Всяко люблю, хоть и не француз.

Как минимум ту Францию люблю, которую мы пропахали, и даже успев пожить, например город-крепость Лангр. Жили в отеле, который изначально был главпочтой Лангра со средневековыми шкафами со скелетами и ржавыми ключами. Даже включая нелепый Лилль, где мы всего то и успели, что заблудиться, а в каком-то масюсеньком кафе поговорить

на пальцах о футболе и о геях, которых – того и другого – в провинциях, исключая кретинистические, самый минимум.

А в другой забегаловке успели наскоро перекусить и отметить грязь периферийного долгостроя, который ровно такой же, как на нашей родине, что вполне интернационально и навсегда сближает русских с французами.

И про тот некоторый тормоз региональных правительств, что не принято выхвалять через печать, ибо стеснение в провинциях как всегда и во все времена есть норма. И что простые люди уважают институт семьи, и что походы налево считают издержками пола, и что по этой незначительной причине не стоит семью разрушать.

Поэтому – решили мы с французами – провинция всегда есть эталон правильного консерватизма.

И что, если мы хотим сохранить Землю, то надо исключить идиотов и королей в правительствах, что надо пострелять единственно печатников и глобалистов, и что надо внушить семейные традиции и идею обыкновенного гуманизма всей планете, не включая инструментов войны и дурацких революций, чего в мире более чем предостаточно. И что не надо лезть на деревья, прежде чем не удостоверимся не только в похоронах ядерных приверженцев, но и в прочих скрытых методах силового воздействия на мир. Воинствующих племён – щипать как много. Скрытых апологетов мирового господства гораздо меньше – аж в миллион раз меньше, чем племён, но они, суки, которых весь разумный космос давно ненавидит, загубят нашу голубую планету. Где ещё найдёшь такую прекрасную внешне и наивную планету, как наша? Это и есть Рай. Они есть, инопланетяне и Боги, но спасти нас от глупости не торопятся. Мы для них – всего лишь опытное поле. Постараемся – включат в список разумных. Погибнем, так и хрен с нашими претензиями. Включат, глядишь, по новой. Но, чёрт задери, не ранее, чем через двадцать шесть тысяч лет. Не поняли намёки пирамид – получайте. Припрятали знания от других, решили за счёт других возвеличиться – сами одни жопы, другие – обезьяны первой глупости гильдии. Всё в мире так просто! Обезьяны, блЪ, объединитесь наконец! Что за ћерня в вашем, блЪ, идиотическом королевстве!

Сидя на деревьях, хрен чего добьёшься, кроме бесконечных совещаний о мировом разуме, который сам собой будто бы кому-то должен.

Фу! Нам всем! Шуй нам! Эти... которые наблюдают... Они живут столько, сколько им персонально не надоест.

Алгоритм опытов запущен. Они последовательны, живут в лагерях, и перемещаются тогда, когда их самих прижмёт ещё более высшая формула жизни. Они могут ждать столько, сколько нам даже не снилось.

Неужто мы этого не поймём и в корне не сломаем ситуацию?

19

Это было о высоком, но даже рабам понятное.

20

А уж как за три ночёвки и целых четыре световых дня пешего хождения не сумеешь полюбить Париж? Нет, без спору – я-то уж точно – полюбил и город, и – умозрительно – его людей, с которыми толком не удалось даже поговорить.

А как плотно и как непритязательно, не спрашивая разрешения, Порфирий вписался во Францию со всеми своими ухмылочками, напоминающими кривые улицы Монмартра, забавами с пивком, грозящими дорогостоящим заграничным коматозом, с показным равнодушием к великому городу и высшим наплевательством к самому себе!

Великий город – кладбище кладбищ – проглотил Порфирия, как маленького, но своего в доску человечка. А, может, это Бим проглотил Париж и чуть не умер на скамейке в Лувре,

как иностранный бомж, как голодный мэн, который просил кусочек хлеба, а ему подсунули сначала тарелищу сладких круассанов, а потом прелестную девочку Фаби...

Главный здесь шут – наш Бим, или не главный, этого не разберёшь. Но, если разбираться, то получится, как принято говорить в дешёвых ретроспекциях, слишком уж правдивая история.

Телефон с тихим дозвоном

*«Что с тобой? Тебя укусил тарантул? Почему ты держишься
за сердце?»*

Осень патриарха,

Г.Г.Маркес

1

– Бима! Вот начерта мне шедевры. Я в отличии от других проектирую функциональные вещи с минимумом так называемой красоты. А если гости теряют у меня свои очки, телефоны и перчатки, то это не мои проблемы. Пусть они – хоть сам господин Спутников – городской голова наш в области социально фантастического радио. Ха-ха-ха!

– А помочь Кирюхе не хочешь? – мелко осаживает Бим.

На что получает от Ксан Иваныча конкретный, интеллектуально развёрнутый как на защите, ответ.

– А это тем более, брателло, не моя проблема. А проблемы разных там спящих в моём холле, на моём диване, на моём же двадцатилетии... – и тут же уменьшил значение праздника, добавив: «хоть и фирмы, а не моё». А хоть бы и Кирюха. Он не особенный. Мне что? Я ему кто, розыскной пёс? С запахом бензина, блин! Пусть приходит, звонит себе сам по своим симкам, и сам пусть ползает под диванами. Если есть хвост, так пусть задерёт. Пусть пёркнет разок, если так легче. Я... сибиряк. Спасатель. Архитектуры! Я разрешаю и пёркнуть для ловкости сыска, и sprysnut' отпечатки. Пальцев, пальцев. Я сам что ли буду... Ага! Нашли Генерального... под столом! На карачках. Ха! Координаты пусть ищет... хоть что пусть ищет... через *Гугл* свой... в милицию надо? Заяви. Милиция напросится – пусть тащит – пожалуйста!... ЦРУ – так зови с радостью в душе! Без заднего смысла. Только заранее: бумаги надо припрятать. Я и коньячку всем выставлю, посидим, порассуждаем. Уборщицу треснуть в нагнутой позиции – пожалуйста, если это нужно для пользы. Пёсик кошечку... знаю-знаю, сам видел... Это помощь реальная. А искать... мне... – и Ксан Иваныч пусканул весёлый пучок искорок из обоих глазок – искать увольте. Сами пусть... Какой у них род, у этих тварей... во множественном числе? Если в городе... та-та-та, – Ксан Иваныч отбил ногой ритм, подпевая, – с золо-тыми воло-сами, та-та-та, с доро-гу-щими ду-хами... А, вот! Милицейская волна, блин! Хорошая волна.

Что-то ещё крутанул.

– А вот и нет: библейская с оккультной, в процессе написания... ха-ха-ха! маршрута, буля-адь³! Как у нас. А помнишь...

Бим всё помнит. С солёными сухариками. ПМЖ называется. Сотни тысяч километров намотал, вокруг земной оси, и расписание уж поменять нельзя... Нет, четырнадцать всего... А хорошо мы покатались... И активно, как ведущий реслинга: «Р-р-родяги бр-р-ридорожнава-а-а пр-р-радио! Буля-адь!»

³ Если кто-то тут подумает, что «буля-адь» в устах Бима это замаскированная «блядь», то есть слегка матерное слово, употребляемое нынче повсеместно, за исключением тех серьёзных организаций, где все мужики в пиджаках, то он здорово ошибётся. Бим с товарищами давным-давно – с одной енисейской поездки – уже договорился, что «буля-адь» это такая большая рыба по сравнению с «блядью», которая тоже рыба, причём любая, но маленькая. И не обязательно с Енисея, откуда этот термин пошёл в мир. У «буля-ади» ощеренная пасть с двурядными зубами. Она похожа на пиранью, только гораздо габаритней. «Блядь» же – это любая маленькая рыба, но только та, которая поймана и, более того, вытащена на берег. Во всех остальных проститутских случаях, автор, жалея читательские уши, пишет благополучное слово «блЪ», как у дьякона Протопопа, во времена которого цензуры не было, зато при удобном случае могли запросто отсечь руку.

Ксан Иваныч продолжает крутить приёмнику уши.

– Ксань, убавь музыку. Ни хероса я тебя не слышу, – защемился Бим.

– На-ка, хлебани супериора, дорогой друг мой Порфирий, – в отместку сказал Ксан Иваныч.

Правильная отместка. Почаще бы так мстил!

Про третий волшебный глаз, которым рекомендуется пользоваться теперь человечеству, он под супериорчик забыл, и потому не пользуется, хоть и любит треугольнички, особенно равносторонние. Камеру здравого смысла игнорирует всегда, даже если в трезвом лбу.

В районе БлЪдского Шлюха ищи трезвых!

Шишкарь телепатического раздражения – гипофиз у Ксан Иваныча не особенно развит. Да он и не нужен в этой простейшей ситуации. И пуск у него давно не работает. Лет уж тысяч тридцать назад как стал побаливать, а нынче вовсе атавистически утерян. Путешествовать по иным мирам Ксан Иваныч не собирается, подстраиваясь под массу глупого человечества. Он далеко не Стивен Кинг, а напротив – противник его, и живёт механически на руинах непонятой своей жизненной музыки. По мере возникновения проблем решает проблемы. Но не заходя, тем более не впрок. Его догонят. Он недооценивает догоняющих. Всемирный потоп, который обещает наслать в назидание начитанный Кирьян Егорович, он игнорирует: ему на свой век сухопутной территории хватит. А дети пусть сами разбираются. Он их родил, и этих двух запусков достаточно. Он желает им космического счастья. А Кирьян Егорычу...

– Билайны его и Мегафоны... – Это он знает не понаслышке. – Да мне пофигу они. Провайдеры эти!

– Операторы, – поправил Бим, запив супериор нашей горькой. Бим оригинален как всегда. Он будто в пьяном путешествии на заднем сиденье. Развалился на диване, скрестил ноги, и дёргает одной изредка, будто тукает по янычарскому барабану, извлекая бас, а другой творит рудиментарные *финтиклюшки*, поддающиеся его мышечному сознанию в переводе на ножной язык.

– Да пофигу. Мне чужие телефоны вообще пох!

Так по-интеллигентному и совершенно справедливо высказывался Ксан Иваныч – директор проектной фирмы «Шарик Е. Г.».

Да вы его знаете по ЧОЧОЧО. Это он опять. Только уже дома и много позже ЧОЧОЧО.

И это всё – правда. С бумажным вариантом этого самого Чочоча как проистекает любовь его – точно не знаем, а вот с честностью и открытостью Ксан Иваныча не поспоришь!

– Позвольте с Вами согласиться! – прошептал бы Тритыщенко относительно телефонной утери Кирьяна Егоровича, если бы дословно знал версию Ксан Иваныча, доставая по приползу с юбилея из своего насквозь кармана чужие очки, чужие ключи с чужими отмычками и такой же подозрительной важности чипы, – ему тоже нах чужое... – А вот ведь как сложилось...

Присматривается. Достает из целлофана... – какой же Псёкрев ему всю эту шутку подготавил? кто упаковал к выносу пачку «Донского табака»?

Вот уголок подвёрнут. Вот бычок задумчиво скособочился в ямке, над ним ещё один приткнулся. Явно Кирюхино добро. Он запасливый человек и докуривает обычно до самого фильтра. Он любит исключительно донской табак, когда вдруг заканчиваются деньги. Это обычно случается в концах месяцев.

Тритыщенко может понять экономию тринадцати рублей, против, к примеру, винстона. А только зачем дотла докуренное складывать в одну пачку с целыми ещё изделиями?

– А затем, – это думает уже Кирьян Егорович на всякий случай, – чтобы Тритыщенко было о чём пожалеть, если вдруг, когда он проснётся ночью, и ему станет скучно без сигаретки, и ему придётся обыскать весь дом, чтобы найти заначку. То: вот у него пачка. Он её

найдёт и откроет, и увидит сверху кладбище погорельцев. И он поплачет вначале, а, может и сматюгнётся как сумеет. А сумеет. Он тоже человек, хоть и с докторской степенью зазнайства. А потом вдруг на всякий случай шоркнет сверху... ну-у-у, ковырнёт ногтевой лопаткой – стричь их замасленному от пят художнику – бесполезное дело: ножнички маникюрные от этого акрила и даже от масла – если в три слоя – тупятся, а других инстру'ментов нет. Так что обнаружит он ногтёвым способом и горку мертвецов, и неначатое даже под окурками, не игриво начатое и брошенное, а свежачок, просто присыпанное. То ли по ошибке, то ли из радости любви к Тритыщенке это делается. Или от шутейного страха: не подаришь, мол, не простят. Все обязаны любить его, ибо он звезда первой порновеличины и трижды доктор художественных наук с такой же трёхпёздной книжкой «О перспективе древних и сейчас», которую он сам и написал по какой-то горькой пьянке, превратившейся в марафон, называемым в народе *обыкновенным запоем*, но у художников, уж извините, это называется творческим полётом, вдохновением, наитием. В конце концов это можно назвать пинком Пегаса. Можно сравнить со спустившейся к нему с неба Истиной, которую ещё надобно обдумать, а покамест вступившей с ним в глубокие морально-эстетические отношения голубого спектра клана ФЦ... Испортив при этом немало выдернутых – из книг по искусству – иллюстраций, испестряя их какими-то линиями, закорючками и числами, не уступающим по сложности чертежам пустыни Наски... Матерясь и споря то с какими-то варварами с германского художественного Олимпа, то с древними греками, которые по мнению Тритыщенки испортили искусство перспективы на столетия вперёд. А то и с самим с собою чокаясь... В зеркале с отражением, и находя на бренном своём теле не существующих в природе зелёных вшей с хвостами и рожками.

Вот так выглядело дело.

– Ему бы только имя своё поменять и глаз добавить. – Это поясняет уже автор. – Один-то глаз у него почти не видит. И от того приходится чаще обычного вертеть шеей. Шею он прячет под шарфом, чтобы неслышно было позвоночного скрипа.

А на самом-то деле он далеко не святой, хоть и уважает это дело, ибо святые ему денег приносят, на которые он живёт.

Тут у него переклинит; и он возрадуется.

Тогда и вспомнит добрым словом Кирияна Егоровича и Бима, которые Тритыщенке – друзья, хоть и в разной степени хитрого притворства. Но посыпать Тритыщенку золотым порошком напускной сердечности могут оба одинаково недурно.

– Кто засунул в мешочек прибор, где в одном предмете прохујарилка – стержень с загнутым кончиком, как потешный предмет «Ч» вокруг пояса у чёрного индийского старца, где хујарилка-трамбовка и ложечка-ковырлялка? – думал первоначально Эвжений. – Неужто моих рук дело? И прихвачены мною по нечаянности? Чёрт, чёрт! Да как же можно так мне – такому важному, в отцы годящемуся – упиться, чтобы чужое от своего не отличить. Как же так хладнокровно носиться по офису и хватать со столов всё, что хоть как-нибудь похоже на его вещи?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.